

ЖЕНСКИЕ
СУДЬБЫ

СЕРГЕЙ
КУЛАКОВ

КОГДА НЕ ПОЗДНО
ПРОСТИТЬ

Женские судьбы

Сергей Кулаков

Когда не поздно простить

«Четыре четверти»

2020

Кулаков С.

Когда не поздно простить / С. Кулаков — «Четыре четверти»,
2020 — (Женские судьбы)

ISBN 978-985-581-263-1

Вполне благополучная жизнь главной героини Риммы Бельской вдруг начинает стремительно рушиться. Череда бесконечных конфликтов, разлад с близкими людьми приводят ее в отчаяние. Все плохо, кажется, впереди тупик и выхода нет. Но он находится... И там, где Римма меньше всего ожидает. Роман «Когда не поздно простить» читается с неослабевающим интересом. Здесь и оригинальный авторский стиль, и яркая сюжетная линия, и характеры обычных людей – наших современников...

ISBN 978-985-581-263-1

© Кулаков С., 2020
© Четыре четверти, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Кулаков
Когда не поздно простить
Роман

© Кулаков С., 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

Глава первая

Как она не угадала этот момент? Занята была. Столько всего навалилось. Обычно она заранее чувствовала и устраняла опасности. А тут прозевала.

Ей всегда что-то подсказывало. Сны чаще всего. Или видения. Но на видения нужно было настраиваться. А у нее не было времени. И прозевала. Покатилось, не остановить. И слезы, самое сильное оружие, не помогли. Куда? Хоть ведрами лей. Только себя утопишь.

А Римма себя топить не любила. Она любила хорошо выглядеть – и выглядела, назло всем. При женской миниатюрности была резва и подобрана, как скутер. Формы имела наступательные и обтягивала их с гордостью опытного бойца. В свои пятьдесят выглядела не хуже тридцатилетних – лучших. А с худшими она себя и не сравнивала. Много чести.

Что за день это был? День как день. Не так давно справили Крещение, пережили морозы. Но подошли в начале февраля новые и крепили с каждой ночью, как будто ночи их выстуживали до бесконечности.

Вдобавок задули ветры, бесснежные, сухие, рвущие лицо тупыми щипцами заполярной злобы. В котельной все щели, видимые и невидимые, продавились ледяными сквозняками. Но в дежурке было терпимо, особенно там, где сидела Римма – через стол от окна, в серединке, спиной к приборам. Она, как кошка, всегда занимала самое теплое место, и ловко сворачивалась в обитом коричневом дерматином креслице, поджимая под себя ноги в безупречно свежих шерстяных носочках.

И курила, конечно, свои любимые, тонкие, в зеленой пачке с летящей птичкой. Одну за одной, каждые десять-пятнадцать минут, быстро и жадно вытягивая до фильтра и уже нацеливаясь на следующую.

Некурящий Костик сторонился дыма, лениво уходящего к двери. Раза два-три в час к Римме присоединялся Валера – и тогда дым, ширясь ватными плечами, нагнел и выходить подолгу отказывался. Разве что Костик иногда выскакивал проверить уровень воды и утягивал шлейф дыма за собой.

В тот день сидели спокойно. Начальство в лице директора комбината и главного инженера было в отъезде, все работало исправно, тьфу-тьфу-тьфу. Но книги и кроссворды на стол пока не выкладывали, это на вечер. Так, болтали о разном, коротая дежурство, безобидно.

– Я что ни загадывал на Новый год, ничего не сбылось, – бормотал Костик своим тихим, едва различимым в гуле котла и вентиляторов, голосом. – Не верю я в это.

– Ну и зря! – возражала Римма. – Вот у моей Дашки в прошлом году все мечты сбылись.

– Какие? – поднял на нее Костик недоверчивые глазки, на минуту оторвавшись от драгоценного смартфона.

– Смотри, – целила в него линзы очков Римма. – Она загадывала новый холодильник, пылесос и микроволновку, так? И все получила!

– Да-а? – уважительно протянул Костик. – Круто.

Костик, или Константин Панченко, оператор котельной КЖБИ (комбината железобетонных изделий), уважал чужой достаток. Он был из деревни, мать умерла два года назад, отца не помнил, никакой помощи ни от кого не ждал. Снимал с младшим братом и девушкой-невестой в городе квартиру, тянулся к лучшей жизни. Собственная квартира была для него мечтой недостижимой, как вечная жизнь, скажем. Хотя предметы, квартирную жизнь украшающие, он потихоньку приобретал, без усталости роюсь в Интернете и зная об этом все, что только можно было знать в его возрасте.

Сам он в двадцать один неполный год был ростом и сложением как подросток – сильно недокормленный подросток. От слабосильности говорил едва слышной скороговорочкой, как

бы сам себе и боясь, что каждую минуту перебьют. Но использовать свою слабосильность умел – жизнь научила.

– Холодильник вообще со скидкой сорок процентов брали! – вспоминала сладострастно Римма. – Представь, как повезло!

– Да-а, – покивал Костик. – А какая фирма?

– Самсунг!

– Круто.

Костик снова уронил костистый нос в телефон – он всегда так сидел, елозя пальцами по экрану. Пытался освоить схему волшебной финансовой игры, которая сулила исполнение всех его желаний сразу.

– И пылесос «Самсунг», – победно добавила Римма. – Только микроволновка эта... как ее... «Элджи».

– Я слышал, что они даже лучше, – на секунду вскинул голову Костик.

– Может, и лучше, – благодарно взглянула на него Римма.

Она перевела взгляд на Валеру и облизнула губы.

Это была привычка, которую она за собой не замечала. Но регулярно и без причины ее язык неожиданно выскакивал изо рта и мощным движением облизывал довольно-таки пухлые губы. Сначала нижнюю, а потом верхнюю, словно проверяя, на месте ли они и готовы ли к бою. После чего, показав малиновый испод, нырял обратно. Зрелище для посторонних было захватывающее и всегда неожиданное, но посторонние Римму не интересовали.

По-настоящему ее интересовал только Валера, хотя никто этого не заметил бы – поначалу, конечно.

Валера был ее любовником. Он был черноволос, грубо щетинист и огромен, как древний воин Пересвет. При этом угрюм и не слишком разговорчив.

Сегодня он мучился с перепоя и вообще молчал, не говоря ни слова. Только буркнет «да» или «нет», и то в лучшем случае. А так покосится налитым кровью глазом и качнет головой – понял, мол. Хотя слушал разговоры внимательно – это его отвлекало от мук организма, мстящего за избыток вчерашнего счастья.

– Соли надо надолбить сегодня, – напомнила ему Римма. – Там только два ведра осталось.

Валера даже не посмотрел на нее. Он смотрел на датчики приборов – отмечал текущие показания.

В каком бы состоянии не находилось тело, мозг работу выполнял исправно – за это Валеру ценили и щадили. Из прожитых сорока лет двадцать он просидел в этой котельной, и был ее частью, как насосы, котлы и трубы, где он знал не то что каждый механизм – каждую гайку. И они его знали, и обычно не подводили.

Римма, осторожная, как все умные женщины, помимо всего прочего, чрезвычайно это в нем ценила. Она была лаборанткой и отвечала лишь за очистку воды, поступающую в котлы. За исправность же всего опасного, ревущего огнем и паром хозяйства, отвечал Валера. Но все знали, что здесь он – самый надежный.

В эту надежность Римма вцепилась когда-то мертвой хваткой и выдерживала любые бури и скандалы, лишь бы выходить с ним в одну смену. И выходила уже почти двенадцать лет, и все тут было у нее хорошо: и работа, и прочее, и не случалось большой беды до сегодняшнего дня.

Но кто мог знать?

Римма не повторила свои слова про соль. Она знала, что Валера ее услышал – он слышал все, что она говорила. И за остальное не волновалась. Она понимала его лучше, чем он сам.

Как она думала. Но как же она ошибалась!

Впрочем, это выяснилось потом. А пока...

А пока Римма закурила, глядя в окно, где на белом от холода небе, словно пуговица на больничной подушке, блестел пластмассовый кружок солнца.

– Холодно, – сказала она, зябко поежившись и запахнув на груди полы меховой безрукавки.

– Ага, – кивнул Костик, глядя в смартфон.

Завершал сигнальный зуммер – в котельную входили.

Валера, обычно любопытный от скуки полусуточного дежурства, не шевельнулся – слишком было худо.

Костик, вскинув белесую макушку, цепко прищурился, рассматривая через стеклянную дверь длинный проход, идущий вдоль котлов.

– Михалыч с Павлом, – доложил он Римме, которой с ее места коридора видно не было. Да и сидела она спиной, не хотелось поворачиваться.

Римма кивнула:

– Наконец-то.

И посмотрела на Валеру значительно. Напоминала взглядом про соль. Соль – это было важно, это работа, и Валера не мог этим пренебречь.

Но тот – никакой реакции. Висел над столом своими плечищами – целый дом, не человек – и не дышал, казалось. Он даже не курил в таком состоянии. Он вообще отсутствовал.

Тут Римма впервые ощутила легкое беспокойство, но не успела к нему прислушаться. Отвлекли вошедшие, отогнали мысль. Или это ей потом так казалось? Не помешали бы – приняла бы меры вовремя, все поправила, и не пошла бы черед неприятностей, от которых едва не поломалась вся ее ровненькая, бодро текущая жизнь. Или все равно пошла бы?

Поди сейчас, догадайся. Потом все кажется истиной, даже туман, ее скрывающий.

Но тогда все было, как обычно.

В двери вкатились слесаря, чуть не трескались с мороза. Зарычали прокуренные голоса, ругаясь и споря.

К ним добавился писк Зои из компрессорной, вбежавшей в эту минуту, – и в тихой дежурке стало шумно и тревожно, как на вокзале.

– Починили? – спросила Римма слесарей.

– Починили, – хмыкнул сварщик Павел, тяжело неся перед собой бруствер живота и посверкивая глубоко запровленными под толстые бугры щек глазами. – Труба замерзла. Грели, грели – без толку. Один лед внутри. Пришлось отрезать, вваривать новую...

Он выругался, матерно и длинно.

Римма понятливо кивала. Морозы эти всем дали работы.

– Им же говорили не прикрывать надолго вентиль! – вставил Михалыч, присаживаясь на свободный стул. – Нет, они по-своему....

– Такой мороз!.. – снова выругался Павел. – Тут на пару минут оставь – замерзнет. А они чуть не на час, идиоты...

– А мы крайние, как всегда! – заметил Михалыч.

Михалыч – это сплошной форс, несмотря на свои шестьдесят. В такой мороз – кепка, надвинутая на правое ухо. Под кепкой – стальная щетка усов и хищный – «бабья смерть» – оскал улыбки. Про свои былые подвиги, алкогольные и постельные, готов был трепаться с утра до вечера. Не стеснясь окружающих, естественно. И даже этими окружающими вдохновляясь. Работник, понятно, самый золотой-раззолоченный. Что, правда, мог и подтвердить – руки были на месте. И за это держали на работе, не гнали на заслуженную пенсию. Еще и моряк был, и гармонист, и танцор, и много кто – сиди и слушай. А он уж расскажет, только волю дай. И нового человека, желательно. Свои давно убежали – наслушались.

– Я чего зашла! – вклинилась Зоя. – У меня сейчас Тумис был, сказал, что должны премию дать.

– Премию? – оживилась Римма.

– Премию? – оторвался от телефона Костик.

Даже Валера перетащил свой взгляд на Зою: новость была значительной и на миг затмила его страдания.

– Да! – округлила голубенькие глазки Зоя. – Сказал, по тридцать процентов. За то, что заказ быстро сделали. Ну, тот, где сваи треугольные, и клиент сразу расплатился. Говорил, слышал в конторе, как будто бухгалтерия уже начислила!

Зоя была уже предпенсионная, если присмотреться, девушка. Но лицо под розовым беретом – ни морщинки, носик, ушки, ротик – пятилетнего примерно возраста, и голос ее звенел, как трель мобильного. И под бушлатом такое все налитое, сдобное – невольно улыбались мужики, на эту кладовую глядя.

– Брехня все, – перебил ее Михалыч. – Дождешься от них этой премии.

– Да мне сам Тумис сказал! – возмутилась Зоя. – Только что заходил...

– Трындит твой Тумис, как Троцкий, – снова перебил ее бесцеремонный и всезнающий Михалыч. – Сколько раз уже обещали – и что?

– Только обещать и могут, – поддержал его Павел.

Валера тоже отвернулся от Зои: и в премию не поверил, и трудное его состояние снова властно напомнило о себе.

– Только и знают, что свои обещалки, – гнул свое Михалыч. – А премию выпишут только конторским, а нам дулю с маслом.

– И на Новый год подарков не дали! – вспомнила Римма низким от обиды голосом.

– Да зажрались они там! – уже по-митинговому вскинул кулак Михалыч. – Я вот Тумиса увижу, скажу, чтоб людям мозги не пудрил.

– Смелый какой! – глянула на него поощрительно Зоя.

– А чего мне их бояться? – не унимался Михалыч. – Я кого хочешь послать могу!

– Конечно, пенсию получаешь – то и можешь, – заметил с ложной кротостью Павел.

– А что тебе моя пенсия? – тут же завелся Михалыч. – Я, если хочешь знать, никогда под начальство не гнулся, не то, что некоторые!

– Да, – махнул на него рукой Павел, – мели, Емеля.

Михалыч оставил на него гневно блеснувшие очи, опустил голову. Павел тоже набычился.

Римма отстраненно курила. Своих боев хватало, этот ее не касался. Костик таранился не без страха. Злые здоровые дядьки всегда его пугали.

Один Валера был равнодушен. Не до пустяков, когда внутри все обрывается каждую секунду.

– На самом деле, Михалыч, – пропела, будто не замечая грозы, Зоя, – охота тебе сюда таскаться? Сидел бы дома, на пенсии, чего тут интересного?

– А вот с тобой мне интересно, Петровна, – вдруг растекся лисьей улыбочкой Михалыч. – Когда тут такие красавицы, чего мне дома сидеть?

Бандитским нырком обогнув Зою, он сзади вонзил ковши ладоней ей подмышки и притянул к себе – крепко. Зоя взвизгнула, дернулась, вырывая бушлат, залилась румянцем, который при ее избыточной румяности казался невозможным.

– Жена дома, а ты тут к бабам чужим! Пусти!

Михалыч меру знал – разжал руки:

– А кто тебя держит?

– Ты!

Зоя оправляла бушлат, возмущенная и очень довольная.

– А ты, Римма Игоревна, что сидишь, скучаешь? – отнюдь не успокоился Михалыч.

– Замерзла, – басом отозвалась Римма, не оборачиваясь к нему.

– Так я погрею!

Михалыч протянул к ней руки, но в виду Валеры далеко не пошел. Ухватил лишь за плечи, помял одним перебором пальцев.

– Такие розы! – подмигнул он Костику, смотревшему на всякий случай нейтрально. – Сколько красоты в одном месте...

Римма пару секунд выждала и легким, но четким движением освободилась из рук Михалыча. Хотя руки были умелы – чувствовался охотник.

Мимолетом она подумала, что Валере так никогда не научиться. Но Валера был ее, а свое она ценила и оберегала. Даже от себя. Здесь она была начеку и опасных мыслей себе не позволяла.

По привычке Римма глянула на Валеру. Проверяла, оценил ли он ее отпор. Хотя знала, что на такое он не обращает внимания. Внешне, по крайней мере.

Валера сидел, не моргая, не двигаясь, живя только парой чувств из шести отпущенных. Римма сама не чуждалась радостей жизни, но подобных страданий не принимала. Валеру было жалко, как маленького. Могла бы, посадила на коленки и покачала ласково.

Но сейчас трогать его было опасно. Это знали все и старались не задевать – себе дороже. Грохнули железные мостки за стеной. В дежурку вошел Филимонов, начальник котельной.

Все притихли: с чем пожаловало начальство?

Римма сбросила ноги с кресла, сунула сигарету в пепельницу, выпрямилась – первая ученица в классе.

Зоя отступила в угол, к вешалке, но не уходила: сейчас будет самое интересное. Начальство просто так не приходит.

Костик оторвался от смартфона – Филимонова он чтит безмерно. Слесаря сидели внешне равнодушно. Валера страдал, и сейчас любое начальство ему было нипочем.

– Что с трубой? – спросил Филимонов.

– Сделали, что! – грубо ответил Михалыч.

Филимонов, моложавый и франтоватый, грубости не заметил. Тут это быстро отмирает. Все грубят всем, это нормально. Как на войне. Главное, чтоб дело делалось.

– Вваривали?

– Ага, – отозвался Павел.

– Большой кусок вырезали?

– Все колено!

– Да... – покивал Филимонов. – Что еще?

Михалыч хотел что-то сказать, но Филимонов уже отвернулся, и Михалыч промолчал. Сверкнул только из-под кепки волчьим глазом, но невысказанное оставил при себе – до поры, конечно.

– Соли надо надолбить, – скромно вставила Римма.

– Да, соли, – вспомнил Филимонов. – А что отбойник?

Он посмотрел на Валеру, но Валера смотрел перед собой, точно его это не касалось. И Филимонов сделал вид, что Валеру его взгляд не обнаружил. И он спокойно вернулся к Римме.

– Сломался отбойник, – сообщила та с готовностью. – Я вам еще утром говорила.

– Много там надо соли?

– Два ведра есть... Еще шесть.

– А если бульдозером?

– Какой бульдозер? – вмешался Михалыч. – Там соль в камень смерзлась, что твой бетон.

– Тогда придется руками, – виновато улыбаясь, пожал плечами Филимонов. – Народу у вас, кажется, хватает?

Он обвел взглядом присутствующих, дольше всех задержавшись на безответном Костике.

– Мне еще фланцы делать, – тут же начал подниматься Павел. – Завтра трубу на втором котле менять.

Филимонов согласно кивнул.

– Тогда хоть Михалыча нам дайте! – отбросив скромность, поспешно ввернула Римма. По привычке она бросила взгляд на Валеру, обращаясь за поддержкой.

Зачем? Валера был далеко, не достать. Костик не в счет, и решать вопрос ей надо было самой. Как всегда.

– Михалыч, помоги им, – попросил Филимонов, даже и не пытаясь изобразить нажим в голосе.

– Без отбойника мы на этой соли ляжем, – мрачно заявил Михалыч.

– А вы потихоньку, – посоветовал, улыбаясь все так же виновато, Филимонов. – До вечера еще времени много.

Гася улыбку, он начал движение к развороту. Тут было слишком тревожно, и он спешил вернуться в свой уютный кабинетик, к компьютеру и прерванной игре.

– Алексеевич, а правду Тумис говорил про премию? – излишне громко, от страха упустить момент, спросила из своего угла Зоя.

И выступила вперед, заранее округляя глаза от внимания начальства.

– А что говорил Тумис? – спросил Филимонов, пугаясь, как сирены, звенящего голоса Зои.

Он сам насторожился: что случилось?

– Ну, что премию дадут, за сваи эти! – поспешила довести до него свою поразительную новость Зоя. – По тридцать процентов. За скорость...

– Первый раз слышу, – с облегчением выдохнул Филимонов.

– Я же говорил! – хмыкнул Михалыч. – Ему только языком молотить! Верить всякому...

– Я спрошу, – нейтрально пообещал Филимонов. – Может, и правда.

Он прошмыгнул мимо Зои и выскочил из дежурки. Грохнули прощально мостки – убежал к себе.

Не мешкая, утопал за ним и Павел. Делать фланцы якобы.

На самом деле, удирал от дурной работы – и попробуй его останови. Он был работник в годах, хорошо за пятьдесят. Тоже подбирался к пенсии – ранней из-за вредной профессии. Поработал на Севере, чем сильно гордился, и еще много где. Цену себе знал, не подступись. Перед начальством, правда, лебезил, и прикажи ему Филимонов – пошел бы на соль, никуда не делся. Но Филимонов побаивался грубого, огромного сварщика – а тот видел и пользовался. И без нужды, добровольно изнурять свое тело, раскормленное и медлительное, нипочем не стал бы – ищи дурака. Но повод все-таки придумал внятный: научился лавировать за столько лет.

В его мощном кильватере вытянулась из дежурки Зоя, так и не сыскавшая правды, ушла в компрессорную, лелеять мечту о премии.

Остались только смертники, и деваться им было некуда.

Глава вторая

Михалыч вдавил окурок в пепельницу так, словно хотел раздавить и пепельницу. И раздавил бы: такими лапищами можно раздавить что угодно. Хоть пепельницу, хоть чей-нибудь череп.

Римма всегда с опаской поглядывала на его клешни – помесь пассатижей с мясорубкой, на ногти, похожие на заклепки. Еще бы, столько железа перевернуть! Большой палец был отогнут и как бы вывернут крабьей ножкой, почти уродливо. Тем более удивляла эта ласка, крившаяся в столь неподходящем месте.

У Валеры руки были мягкие, тихие – какие-то равнодушные руки. Ногти он чистил пилочкой. Правда, дома. На работе, при мужиках, не рискнул бы. И ленивы были его руки во всем. Римма знала. То, что было нужно ей, она доставала из них сама. Но все-таки доставала. Доставать нужное она умела, здесь она была мастером.

– Пошли? – спросил ни у кого Михалыч.

Он взглядом обтек холм спины Валеры, глянул ему в лицо. Вызывающе глянул.

Напрасно. Валера ни на кого не смотрел и ничего не замечал. Кроме себя и панели прибор перед собой.

Михалыч обнажил насмешливый клык.

– Пошли, – поднялась решительно Римма.

Знала: пока она будет сидеть, и работа с места не сдвинется. И надо было дать ей начало. Иначе никак.

И Валеру защитить хотелось. Знала, Михалыч просто так не отстанет. А Валере плохо. Несмотря на размеры и этот бычий, с кровью, взгляд, он беззащитен словно ребенок. Она сама потом с ним поговорит. Без посторонних.

И вдобавок Валера мог взорваться. В таком состоянии от него чего хочешь жди. Это как котел, переполненный паром. Может тихо простоять, а может, как у них говорят, хлопнуть. Тогда беда.

– Валера, идешь? – спросил сурово Михалыч.

Он не боялся никого, это правда. И перед похмельным Валерой не спасовал бы, пойдитот в атаку. Словесную, конечно. Но и словесно Валера мог быть страшен.

Но Валера в атаку не пошел. Он вообще никуда не пошел – и не мог пойти! Неужели не понятно? Но работа есть работа. И эти люди имели право вторгаться в его боль и делать ее еще мучительнее.

Валера что-то замычал, не то кивая, не то отмахиваясь головой, как от мух.

– Он подойдет, – перевела Римма. – Пошли.

Михалыч, вовсе не удовлетворенный ответом – мычанием-то! – поднялся из-за стола. Медленно, словно выжимая на плечах потолок.

– А ты чего ждешь? – ощерился он на Костика.

Не сгонял злость – призывал к порядку. Костик был слишком хил, чтобы срывать на нем злость. Не добыча для взрослого мужчины. Но сказать что-то надо было, чтобы оставить за собой последнее слово. Последнее слово – это важно. Это выигранный бой. А Михалыч был по природе своей победителем. Во всем.

– Иду! – вскочил Костик.

Он выключил смартфон, уложил его в чехол, спрятав его глубоко во внутренний карман – ближе к сердцу. Затем ввинтился в громадный черный бушлат, погрузился по колено в серые валенки – на четыре размера больше его ступни – и стал похож на беженца. Впрочем, он всегда был похож на беженца.

Михалыч, скользнув тяжелым взглядом по Валере, махнул Костику рукой:

– Пошли!

На прощание он глянул на Римму и бровями указал на Валеру: занимайся, мол. Твое. И ушел, сопровождаемый Костиком, как ординарцем. Гордый мужчина, делающий одолжение красивой женщине.

Римма, едва закрылась дверь, метнулась с жалобным воплем:

– Валера!

Такая просьба была в ее тихом зове, такая смиренная нежность – камень бы раскололся.

Но Валера только повел мутным глазом и слегка приподнял голову.

– У? – сонно промычал он.

– Надо наколоть соли, – тем же нежным, умоляющим голосом проговорила Римма.

– Ага, – согласно покивал Валера.

– С Костиком мы не справимся, – продолжала Римма. – Куда ему? Ты же сам знаешь, какой с него работник. Он и лом не подымет.

И она улыбнулась, заглядывая в глаза Валере и пытаясь хоть как-то оживить его.

В глазах было красное, мутное – и больше ничего.

Плохо дело. Но Римма в себя верила и, покосившись на дверь, склонилась над Валерой. Грудь ее коснулась его плеча – этого он не мог не почувствовать. А почувствовав, как-то измениться, ожить.

– А Михалыч, сам знаешь, без тебя сразу выступать начнет. Как бы не сбежал... Там работы всего на час. Давай подходи, Валера. Хорошо?

Валера мотнул головой, но звук уже не исторг. Кто его знает, что он хотел сказать? Но что-то хотел.

Римма подумала, что бы еще добавить, и решила, что хватит. Никуда он не денется, придет. Не бросит ее одну. Никогда не бросал, хотя и похуже бывал в состояниях. Он надежный, Валера. И он ее... Нет, не то, чтобы любит. Этой сладкой воды между ними не было, да в ней Римма и не нуждалась. Но он к ней был привязан так, как может быть привязан мужчина к единственно нужной ему женщине. Намертво. После матери она и была для него такой женщиной. В этом Римма не сомневалась. Больше десяти лет они вместе, а это, что ни говори, срок. Могла убедиться. Так что придет.

Закончив играть испуганную девочку, Римма выпрямилась и уже тоном приказа завершила:

– Значит, подойдешь!

И вышла из комнаты.

Она тоже любила, чтобы последнее слово оставалось за ней. И сейчас оно осталось, и, вкупе с остальным, заставит Валеру пошевелиться. А пошевелившись, он уже потянется за ней дальше. Так-то.

Как же она корила потом себя за это последнее слово! Но что – потом? «Потом» уже ничего не бывает, потому что все бывает только сейчас. И если ты сразу с этим «сейчас» не разобрался, потом уже ничего нельзя вернуть и исправить.

Но кто мог знать?

Римма поднялась на второй этаж, где, помимо столовой и мастерской КИПа, находилась ее лаборатория.

Киповец Петя, тощий, седой, с болезненно изогнутой спиной, что-то паял у себя за верстаком. Вообще, он не отказывался помочь по мелочи. Или если начальник прикажет. Но сейчас на соль его не вытащишь, нет. И тяжело ему, и работу, видно, делает срочную. У него всегда пропасть работы. Одно – приборы проверять и настраивать. Второе – со всего комбината несут починить: кто утюг, кто мобильный, кто телевизор. И всем чинит – за малую мзду, естественно. Хилый, а копейку жмет верную. Да еще свадьбы снимает, фильмы делает – у него техники ого!

Там вообще, говорят, золотой дождь. Недавно вот квадрокоптер купил, хвастался. Ночами не спит, столько работы. Еле ходит – по виду, конечно. Но домину такую выстроил – дворец.

Трудяга, одним словом.

Он Римму не заметил – сильно занят был. Хотя здесь все друг друга замечают, даже если не видят. Замкнутое пространство, каждое движение кожей улавливается. Просто не хотел видеть – знал про соль. И делал вид, что не оторваться от верстака.

Римма молча прошла мимо. На Петю ее власть не распространялась – ни с какой стороны. Как женщиной он ею не интересовался. Уж больно забитым был мужем, чтобы хотя бы пальцем прикоснуться. Хотя глазок на нее косил, как и все, – но с этого много ли возьмешь? Опять же, она вечно просила его что-нибудь починить, и он чинил и ничего не брал! Тут она сама была его вечной должницей. И лезть еще со своей солью – столь дурных манер Римма не позволила бы себе и в более сложных обстоятельствах.

Петя все это понимал, но все равно делал вид, что занят по самое горло. Все-таки был он человеком хорошим, а хороший человек не любит угрызений совести. Потому и гнал их срочной работой, – а кто в этом сомневался?

«И ладно, – подумала Римма, мимоходом глянув на Петину спину, – и так справимся. Валера сейчас подойдет. Михалыч там уже долбит, Костик... С Петей и не развернемся».

Она прошла в лаборантскую, сходу закурила. Надо было поторопиться. Михалыч, делая чужую работу, время нутром отслеживает. Но Римма в себе была уверена. Успеет. В конце концов, мужики они или нет? Не женское это дело, соль долбить. Постыдились бы.

Почувствовав правильное настроение, Римма заодно уж набрала дочку. Подождут. Одна минута ничего не решает.

– Мама, я занята! – отозвалась дочка придушенной скороговоркой. – Говори быстрее.

– Завтра Тимку привезете? – спросила Римма.

Дочку жалела. У той работы действительно было много.

– Да, – прошипела Даша.

– Кто? Ты или Денис?

– Денис.

– Хорошо. Оденьте только его потеплей.

– Да знаю я...

– Сама как? – спросила Римма. – Горло прошло?

– Прошло.

– Ну, ладно, работай, работай.

Дочка работала в сетевом магазине «Электрон». Сидела на приеме возврата товара. Зарабатывала хорошо, но нервов уходило на эту работу – вечно была больна.

А что делать? Копейка легко не дается. А сейчас такое время – костыми надо за эту копейку ложиться. Не повезло молодежи. Раньше легче жилось.

Хотя... Сейчас столько всего – иди и бери. Не то что раньше, когда все «доставали», от гвоздей до мебели. А уж поесть – пустые полки. Одни рыбные консервы штабелями да трехлитровые банки с закатками под ржавыми крышками. Сейчас, конечно, как в сказке. Все есть, что ни загадай. Но на все на это надо заработать. Вот и работают, стараются. И Дашка, и муж ее, Денис. Тот в банке сидит, деньги чужие считает. Но и свои водятся. Повезло дочке. Зато и желания сбываются.

Тьфу-тьфу, хоть бы у них все было хорошо. У них второй намечается, хоть бы не сглазить.

Докурив, Римма плотно замоталась в шерсть и мех, щедро принесенные из дома. Холода она не боялась, женщина была здоровая. Но с таким морозом не шутят. Поэтому завернулась в семь слоев, как матрешка. Еще и бушлат сверху надела от ветра.

Лицо еще с утра было надежно защищено кремом и пудрой. Но Римма все-таки прошла помадой по губам, усилила защиту.

Теперь готова ко всему...

Интересно, Валера уже там?

Она, хоть и напрягала слух, но лязга дверей внизу не слышала. За ревом котла его и не услышишь. Но все-таки что-то там стукнуло. Наверное, Валера пошел.

Или не пошел? Или это в трубах стучит?

Поди разбери в таком грохоте.

Если Валера пошел, то Костик должен назад прибежать. Котел нельзя оставлять без призора, кто-то из операторов обязан неотлучно при нем находиться.

Но Костик не бежал.

А может, пока с Дашкой разговаривала, проскочил? Он шустрый, этот заморыш.

Заморыш, а вот живет же с девицей. И девица такая ничего, Римма видела, даже симпатичная. Мелкая, правда, но все при ней. Когда надо будет, родит как миленькая. А Костик жадный, на лишнее не потратится. Этот своего добьется. Вот и говори потом – заморыш.

Опять же Петя. Тоже не богатырь. А дом полная чаша, жене – счастье. Так что неизвестно, что важнее. Сила или... или что другое.

Вон, Валера как два Пети. И что? Только и умеет, что пить да телевизор смотреть. Столько мог бы работы провернуть, силы же – немерено. А сидит в котельной сидья, не стронуть его. Хотя, конечно, хорошо, что сидит. Он как-то пробовал ерепениться, мужики с собой в Москву тянули, там бы он заработал. Но сама же Римма и отговорила. Мол, тут бросишь, а назад не возьмут, будешь потом мыкаться. А сама в ужасе была: хоть бы не уехал! Не уехал, она уломала. Потом, когда ссорились, он тоже грозился, уйду, мол, брошу котельную (и тебя заодно). Но Римма уже не боялась, знала: никуда он от нее не уйдет. Время привязало его крепко, не вырваться. Да он и сам не хотел.

Мужики – они как коты. Прикорми, приласкай, и все, будет ходить кругами, в глаза смотреть. Может, конечно, нагадить мелко, на это они мастера. Но только мелко. Его за холку потрепи, потом погладь, дай вкусенького – и все, он опять мурлычет, о ноги трется. Слабая порода. Но все-таки нужная.

А Валера – он нужный. Он на вид только страшный. Кто не знает, пугается. Еще бы, такой громила. В десанте, где служил, первым в строю стоял. Когда генералы в часть приезжали, его всегда в штаб дневальным ставили для вида. Краса и гордость. До сих пор этим хвастает, сто раз спьяна рассказывал, отчего Римма и запомнила: часть, дневальный, штаб... Да, здоров был парень. И красив. Был. Сейчас огрузнел, подбородок полшеи захватил, глаза заплыли. Но вид имеет. За собой следит, этого у него не отнять. Обнову купит, джинсы там, рубашку, из обуви что. Не запускает себя. Еще бы, знает, что красавец. На него охотниц нашлось бы – только помани.

Но он не манил. Он Римме вроде как верен. Хотя ни о чем таком они не договаривались. Не муж и не жена. Подумать – чужие люди. Но он был ей верен, Римма знала. Таскался к друзьям, к родственникам – пить. Но там ни с кем ничего такого не заводил. Она бы узнала, если что, тут бы он ее не провел. Но он всегда к ней тянулся. Сильно тянулся, уже сколько лет.

И тяга его не ослабевала.

Вспомнив вдруг обморочно тяжелое тело Валеры, его густой, теплый запах, Римма затуманилась не вовремя и в этом сладком тумане выплыла из лаборантской.

От настила второго этажа обрывом тянулось вниз громадное чрево котельной – как полтора школьных спортзала. Три котла, каждый величиной с паровоз, стояли друг за другом, скрывая дальнюю дверь. Ближе к Римме сбились в кучу ее фильтры, – шесть синих двухметровых цилиндра, поставленных стоймя, – словно гигантские колпачки от ручки. За ними виднелась круглая, вся в мокрой, золотистой ржавчине, бочка соленаполнителя, в который и требовалось засыпать соль.

Дело плевое в обычное время, тем более что и соль лежала рядом, ее регулярно завозили бульдозером из сарая. Но сейчас ее всю выбрали, а в сарае, на улице, она от мороза взялась камнем, – вот отчего и все мучение.

Каждый раз это мучение, когда морозы! И ничего придумать не могут. Долби, как в каменном веке. И все ломается, как всегда, все ломается!

Римма снова прошла мимо Пети, уже на него не глядя. Хотя видела – работает. Может, и правда, что важное. Он даже глаз не подымал, изогнулся над верстаком кренделем. Пусть работает.

Римма спустилась вниз, проверила рабочий фильтр. Не сработался еще, можно не бояться. До конца смены хватит. Мимо соленаполнителя она прошла к задним воротам, через которые въезжал бульдозер, открыла прорезанную в них дверь, едва отжав намерзлый металл, и вышла наружу.

Дунуло так, что ее шатнуло и едва не повалило наземь.

Мигом все забылось, и Валера, и Петя, и разное другое, и думалось только о том, чтобы скорее спрятаться от этого сумасшедшего ветра.

Подняв толстый воротник бушлата и пряча за ним лицо, Римма по узенькой тропке побегала к сараю. И даже под всеми своими утеплителями чувствовала, как силен мороз, как колет ледяными иглами и жутко, властно впивается в лицо, словно и душу хочет выпить.

Снега не было, но ветер натащил белые пласты, забил переметами тропку к сараю, мешая пройти. Надо было этот снег раскидать, но сейчас не до него. Попросит потом Валеру, тут всего метров двадцать, ему это – пять минут работы. Или ну его, этот снег, здесь чистить необязательно, пусть другая смена бьется.

Но там Любка, ей тоже соль долбить, а значит, нужно будет почистить. Любку Римма жалела, она хорошая. Не то что Светка или эта кобра, Жанка...

Но это – потом, потом. Сперва – соль.

Пробежав рысью, несмотря на возраст и переметы, все двадцать метров, Римма вскочила в сарай. Главное, спрятаться от ветра. Мороз сам по себе ее не страшил. Но ветер... Ох, ветер. – Обалдеть! – выдохнула она, еще ничего толком не разглядев со света.

Ей никто не ответил, и она, щурясь сквозь очки, быстро изучила ситуацию.

Ситуация была скорбная.

На куче соли, похожей на замерзшую слоновью тушу, высился Михалыч и бил ее сверху ломом, как тараном.

При обычном морозе такими ударами он откалывал бы по трети ведра за раз. Сейчас же, высекая острое, злое крошево, едва отбивал кусочки в мелкий гравий величиной. И сколько нужно таких кусочков на шесть ведер?

День будешь долбить.

В уголке, подальше от опасного лома, которым размахивал Михалыч, примостился Костик с киркой в руках. Он тихонько тюкал острым клювом перед собой, больше заботясь о том, чтобы не покалечиться, нежели о том, чтобы нарубить побольше соли. Добывал он, понятно, смехотворную чепуху и ждал только Валеру, чтобы сменить его и укрыться в теплой дежурке.

Но Валеры не было.

Не было!

Разговаривая наверху по телефону и одеваясь, Римма неосознанно, но обдуманно тянула время. Готовила себе подарок: прийти и увидеть Валеру. И потому давала ему время опередить себя, доставить ей маленькую, но такую необходимую сейчас радость.

Когда внизу проверяла фильтр, хотела заглянуть в дежурку. Убедиться, что Валеры там нет. Но не стала. Из простой осторожности. Боялась, что, увидев его, не сдержится, вскочит и наговорит грубостей. А ругаться не хотелось. Опять же, верила ему. Сказал, что придет, значит,

должен прийти. То, что он ничего не сказал, а лишь невнятно мотнул головой, она в расчет не брала. Дал же понять, что придет. Достаточно.

Оказалось, не достаточно. Не пришел.

«Нет его, – с мгновенным приливом бешенства, и почему-то душевной слабости подумала Римма, – бросил меня тут...»

В порыве злости ей хотелось немедленно побежать обратно и всыпать ему там от души – давно накопилось. И за пьянки его, и вообще: от рук стал отбиваться.

Но сдержала себя. Знала, Михалыч наблюдает за ней в три глаза. Отлично понимая ее состояние, он как раз и ждет, что она будет делать. Надо же будет рассказать потом своим! А рассказать он любил, ох, как любил! Хлебом не корми, дай языком потреть.

И Костик, сопля эта, косится. Ждет, как поступит Римма, женщина грозная, которую он, вообще-то, побаивался. Тем более рад будет ее посрамлению!

И Римма поступила мудро.

– Ну и мороз! – шумно, с радостным изумлением, закричала она. – Думала, не добегу. Замерзну по дороге.

– Жмет! – откликнулся Михалыч.

Хакнув, он выпрямился и с силой опустил лом. Но лом, жалобно звякнув и скользнув по краю скола, ничего не отбил и сильно дернул Михалыча за собой. Ругнувшись и едва удержав равновесие, тот снова поднял лом и снова ударил. Но за Риммой следить не переставал. Еще бы!

– Давно такого не было! – не умолкала она.

– Ага, – снова хакнув и ударив, отвечал Михалыч.

И – глазок в ее сторону. Заинтересованный.

Что будет делать?

– Валера не пришел еще? – невинным голосом спросила Римма, выбирая себе лопату.

– Нету! – хакнул в ответ Михалыч.

– Сейчас подойдет, – сказала Римма.

Уверенно сказала, убеждая в первую очередь себя. И даже поверила, что и вправду – придет.

Ну, что тут, десяти минут еще не прошло. А ему плохо. Пока соберется, да пока выберется. Может, рукавицы ищет. Или котел настраивает: пар вверх полез или наоборот, вниз. За паром этим всегда следить надо.

В общем, не из-за чего волноваться. И если бы не следящий глазок Михалыча, Римма чувствовала бы себя почти спокойно.

Но Михалыч – бдил. И потому Римма не могла успокоиться и дальним слухом слушала: не брякнула ли дверь, не скрипнут ли шаги?

Не брякало и не скрипело. Лишь гудел ветер за тонкой дощатой стенкой, да шуршала и звенела кольцами старая брезентовая ширма, заменявшая ворота.

Римма выбрала себе лопату, штыковую, с короткой ручкой, и отошла в уголок, подальше от Михалыча с его ломом. Если вырвется из рук – убьет! Пригнувшись, острием лопаты Римма быстро и сноровисто принялась скрести пологую стенку соли, как бы стачивая ее.

Соль посыпалась тоненькой, сиротской, струйкой. Эдак всю жизнь можно скрести, ничего не наскребешь. Но Римма старалась сильно, пряча за работой волнение, и все-таки что-то там выскребала.

Работа пошла. Михалыч хакал и колотил своим ломом. Костик тюкал киркой, едва подымая ее на уровень груди. Со стороны казалось, что не он бьет киркой, а она качает его взад-вперед. Римма по-мышьиному скребла лопатой, радуясь, когда струйка становилась чуть толще и насыпалась внизу муравьиным холмиком.

– Ты бы тоже взял лопату! – крикнула она Костику.

Излишне жизнерадостно кричала, это даже она сама почувствовала. Мимоходом покосившись на Михалыча, убедилась – смотрит. Смотрит, старый козел, не отстает. И что ты ему скажешь?

А ведь он молчать не будет. Кто-кто, а этот никогда не промолчит.

– Не, – отозвался Костик, – я лучше так.

– Зря, – сказала Римма. – Лопатой удобней.

И замолчала, не зная, что еще говорить. Да и не хотела говорить, потому что и так было все понятно.

Валера не шел. Вот и все. И кого она тут обманывает?

Прошло минут двадцать. Михалыч приморился. Махать ломом – не шутка. Кепка спустилась ему на затылок, телогрейка задралась на распахнутой груди. И бить он стал реже, все труднее вздымая лом.

Наконец, он остановился и закурил.

Римма ниже склонилась к лопате, заскребла шибче. Сейчас начнется.

Какое-то время Михалыч курил молча. Успокаивал дыхание и получал удовольствие от курения. И думал, как ему поступить: бить ее во всю силу или все же с пощадой? Хотя и так было понятно, что шадить он никого не намерен. Вон, глаза горят, как у волка. И голова опущена, вся ушла в плечи, и даже зубы оскалены. Того и гляди, кинется.

Римма в жертвах ходить не любила. Не в ее правилах. Изобразить могла и умела, когда требуется. Но ходить – нет уж, увольте. Не на ту напали.

И потому первая пошла в атаку.

– Сильный ты, Михалыч, – выпрямляясь, улыбнулась она. – Вон наколотил сколько! И отбойник не нужен.

– Ну нет больше силы, – возразил Михалыч, впрочем, еще довольно миролюбиво. – Весь выдохся. Раньше я этим ломом мог сутки махать.

Костик тоже остановился. Для передышки, и во все уши вслушиваясь в разговор. Понимал, что столкновение неизбежно, и ждал только начала. Всякий рад развлечению, особенно, когда оно дармовое. А Костик знал цену всему доподлинно. И ждал драки, как древние римляне боя гладиаторов. Хотя и понимал, что шансов у Риммы никаких. Но хотел посмотреть, как она будет отбиваться. Понаблюдать за процессом.

– И так молодец, – похвалила Римма. – Ведра два уже, наверное, набил.

Михалыч посмотрел себе под ноги, где у подножия соляной кучи лежало наколотое им крошево. Довольно слабый приз при такой трате сил.

– Ерунда, – сказал он. – Еще вся работа впереди.

И тут же отбросил сигарету и в упор глянул на Римму.

– А чего Валера не идет?

Но Римма была готова, не дрогнула.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Может, спит.

И хихикнула – очень мужественно хихикнула. Потому что больше всего ей хотелось сейчас орать тяжелым мужским матом. На Валеру, естественно, в первую очередь. Но и на Михалыча, – чего лезет с дурацкими вопросами? И на Костика заодно: чего уставился, гаденыш, все тебе любопытно? Тюкай вон себе, жди, пока сменят.

Но она, хоть и умела орать – шикарно даже умела, – ничего такого позволить себе не могла. Валера не шел, а соль добывать надо. И Михалыча она трогать не должна, нет. Иначе он отшвырнет лом – и поминай, как звали. И ничего ему никто не сделает, и он это отлично знает. Это не его работа, он вообще согласился помочь из доброты душевной. Но только помочь. Основную работу должен делать Валера. Она ему по силам, и, главное, по обязанности! А ему, Михалычу, тут погибаться вообще не резон. И возраст, да. И для чужой бабы стараться с какой стати? Что он, идиот, в самом деле? Или ему больше всех надо, чтобы на нем так ездили?

Всего этого он не говорил, но мог запросто вывалить – с него станется. Только повод дай. И все. Конец работе.

А работа – главное. Соль нужна, хоть убейся, и Римма не могла позволить себе роскошь простой и столь желанной – до боли в костях желанной – ярости.

– Так позвони ему! – начальственно возвышая голос, посоветовал Михалыч.

– У него телефон отключен, – вмешался Костик.

Словно бы помогал Римме, а в то же время подливал масла в огонь. Но Римма только блеснула на него очками, – после сочтемся. И продолжала улыбаться Михалычу. А что еще она могла?

– А, – кивнул Михалыч, – после этих дел?

И он глумливо шлепнул себя тыльной стороной ладони по горлу. Сам в прошлом знатный пьяница, он пережил две клинических смерти, а после третьей – завязал. И как все завязавшие, относился к пьющим с нескрываемым презрением: слабаки. И никакой жалости к ним не испытывал. За что жалеть-то?

Римму передернуло от его жеста и выражения лица. Был бы Валера здесь, разве посмел бы Михалыч так себя вести? На нее уже чуть не кричит!

– Плохо ему, – сказала она сдержанно, опуская глаза.

– Плохо, – повторил Михалыч. – А нам тут хорошо?

Он вытягивал ее на спор, на доказательство своей – и Валериной – невиновности, – на унижение. Мстил за что-то свое, мужское, пустяшное. Дождался часа.

У Риммы было в руках оружие против всех мужских происков. Слезы. Плакать она умела и любила. Даже и стараться особо не приходилось. Только подумать – и все, польется по щекам, не остановить. Действовало безотказно, затыкало любые рты.

Но сейчас плакать – себя ронять. Михалыч, конечно, утешится и отстанет. И даже пожалеет. И это бы Римма пережила спокойно. Для того оружие и применялось: размягчить и подчинить. Но жалости именно сейчас и именно от Михалыча нельзя было принимать, вот что. Никак нельзя. Он-то пожалеет, а те, кому в подробностях обо всем доложит, уж будут так злорадоваться – ух!

Давать им такую радость? Ну нет, лучше пропасть на этой соли, но не превращаться в посмешище.

Поскольку Римма не ответила, Михалыч взял руководство на себя.

– Пусть Костик его позовет, – сказал он. – Заодно и котел посмотрит. Может, и правда спит? Мало ли что.

Он ухмыльнулся. Хотя прекрасно знал, что Валера котел никогда не проспит. Это в него уже вросло. Он даже под наркозом, наверное, услышал бы, что с котлом что-то не так. Ухо у него как у летучей мыши. Любое изменение звука он улавливает мгновенно и так же мгновенно на него реагирует. Проверено многократно самой Риммой и другими, кто был с ним в смене. Валера котел нутром чуял, даже если это нутро было доверху залито водкой. Ни разу у него на смене проблем не было, ни разу! Хотя другие и воду упускали, и клапаны у них выбивало, и даже кое-кто хлопок допустил. Знаем, про всех знаем! А Валера работник отличный, что бы про него не говорили. И катить сейчас на него бочку – чистая подлость. Она-то пошутила про сон, рассмешить хотела. И все это знали. А Михалыч сказал всерьез, не по-хорошему. Как будто и сам в это верил.

«Все Валере расскажу, – мстительно думала Римма, пытаясь растворить в этой будущей мести снедающую ее ярость. – Пускай с этим старым козлом разберется. А то все шуры-муры с ним, а он – вон как про него. Друг, называется. Все они друзья. А как отвернешься, он тебе нож в спину».

Михалыч с Валерой вовсе не были друзьями, и даже не приятелями. Так, болтали в смену, обсуждали разное, выпивали – до Михалычевой завязки. Но друзьями не были. Однако же

Римме так думалось легче. Все мужики, если послушать их треп, против баб, и в этом все они друзья. Чуть не братья! А как прижмет, к кому бегут? К дружкам? Нет, к бабам. Слабаки несчастные. Только языками молоть умеют.

Римма, чтобы не рывкнуть на Михалыча, угрюмо сжала зубы. И с непривычной тоской вслушалась в звуки ветра снаружи. Не идет?

Не шел. Шумел ветер, монотонно, как насос в котельной. Но никто не шел.

– Я схожу? – спросил у Риммы Костик, отставляя кирку.

Знал, что она согласится. Ждать дальше бессмысленно, что-то случилось. И надо кому-то идти за Валерой. А кому, как не Костику, его напарнику? Он же его и сменит, для того и идет.

Именно так невинно с виду все и выглядело.

А на самом деле: все, утрись, не дождешься своего, кинул тебя! Получила? А ты думала, все вокруг тебя плясать будут? Как же, жди.

Римма хотела бы задержать Костика, потянуть время. Вдруг все-таки придет? Покажет без напоминания, что помнит о ней, что рядом, что никогда не бросит, не оставит на позор и тяжелую эту работу.

Но как удержишь? Что еще сказать? Не молить же в самом деле: подождите еще немного, он придет, он обязательно придет, не может не прийти! Такого не может быть, чтобы не пришел!

– Иди, Костик, – распорядился Михалыч.

В Риммином согласии никто не нуждался. Власть ее падала стремительно, не остановить. И чтобы удержать хотя бы каплю ее, хотя бы слабую видимость – уже больше для себя, чем для остальных, – Римма тоже согласно кивнула.

– Иди, сменишь его, погреешься. А то совсем замерз.

Прозвучало почти убедительно. Для посторонних. Но своих-то не обманешь, как же.

Впрочем, Римма и в самом деле начала волноваться. А что, если и правда спит. Кто его знает? Старееет все-таки, сорок уже. Пьет. Организм слабеет, не тот, что раньше. Причем, во всех смыслах.

Тут Риммины мысли пошли в таком направлении, что она и уход Костика не заметила. Да, в самом деле... Старееет, а она как-то не подумала. Все молодым привыкла считать. И разница в десять лет, и вообще, какие его годы? А мужики изнашиваются быстро, да еще такие, как Валера, – недосмотренные. Она, конечно, старается, как может, но живет-то он сам по себе. Мать почти лежачая, от нее толку никакого, это Валера ее смотрит. А после того как Андрей, старший сын, повесился, она совсем ходить перестала. До туалета от силы. И все на Валеру. Он и готовит, и стирает, и убирает. Пьет, да, но дело делает. И тяжело ему, понятно, вот и сдал. А чрезмерной пылкостью в любви он никогда не отличался, тут больше Римма инициативничала. Нет, пока все шло нормально. Но были уже сигналы, были...

Она пожалела, что сама не пошла. Отправила этого недотепу, Костика. А все Михалыч! Нейметса ему.

Римма с ненавистью глянула на старого болтуна. Скажи он сейчас хоть слово – растерзала бы!

Но Михалыч как раз взялся за лом и начал бить им соль. И Римма сдержалась. Нет, нельзя. Пока Валеры нет, надо молчать. Работать.

И тоже начала тереть соль, и все прислушивалась.

Идет?

Должен бы уже. Сколько тут идти-то?

Отчетливо лязгнула дверь. Римма и Михалыч, замерев, одновременно глянули друг на друга. Отвернулись.

Михалыч снова принялся колотить соль. Только хакать перестал – прислушивался.

Кто-то шел.

Кто? Валера?

Конечно, Валера, кто же еще?

Римма скрести не перестала, чтобы не выдать свое напряжение. Внутренне готовилась ко всякому. Но когда в щель между стеной и ширмой втянулась хилая фигурка Костика, едва поверила своим глазам. Еще подождала, не появятся ли следом плечища Валеры.

Не появились.

– Не пошел? – спросил Михалыч.

– Не-а, – покрутил птичьей головкой Костик.

– Что сказал?

– Послал меня, – ухмыльнулся Кости почти счастливо.

Он посмотрел на Римму. Она озадаченно смотрела на него.

Такого еще не было, и она, честно, растерялась. Просто не знала, что думать. Как-то опустело в голове, как в коробке из-под обуви. Ничего, одна жухлая бумага и все. И во рту стало сухо почему-то.

Внезапно она заметила, что в сарае уже совсем темно. Ширму широко не открывали, чтобы ветер не задувал, не наносил снега. Снаружи еще стоял день, но небо из блекло-белого как-то незаметно превратилось в свинцово-желтое. Даже желтушное какое-то, совсем на вид больное. Солнце ушло бесследно за эту желтизну, превратив подобие дня в начало вечера. Они работали как в шахте. Только холодно было до жути. Хоть работа и грела – проклятая эта работа.

Римма, опасаясь взрыва лампочки, щелкнула выключателем. Удивительно, но лампочка зажглась, не лопнула. Она вспомнила, что электрики ввернули какую-то специальную лампу, против таких вот морозов. Еще подумала, что долбать им без Валеры до темноты. Больше ни о чем пока не думалось. Обычно она успевала за секунду прокрутить сотню мыслей. А тут – ничего. Пусто.

Михалыч снова закурил, облокотившись на лом, как Геракл на палицу.

И, видно, думал. Крепко думал.

– И что, совсем не пойдет? – спросил он Костика.

– Не знаю, – с охотой отозвался тот, опуская поднятую было кирку. – Ничего не сказал.

– А ты бы спросил! – с раздражением заметил Михалыч.

– Ага! – ухмыльнулся Костик. – Спросишь у него.

– Хоть не спал?

Костик бросил быстрый взгляд на Римму.

– Нет, не спал, – потряс он головой. – Так сидит.

– Сидит! – с еще большим раздражением повторил Михалыч. – Репу растит. А я тут за него долби!

Он посмотрел на Римму.

– Что-то твой совсем оборзел!

В своем новом состоянии Римма даже не сообразила, что Михалыч в открытую назвал Валеру этим словом: «твой». То есть явно и умышленно намекал на их связь. Понятно, что про эту связь знали все, кроме ее мужа. Но говорить-то об этом – не говорили! Это не принято, и вообще, прямое оскорбление. Понятно, зол. Но сказал бы просто: «Валера», или там «он», или как-то еще. Нет, вот так взял и ляпнул: «Твой». Не считая вызова, прозвучавшего в самой фразе. И в глаза смотрит, не отводит взгляда. Словно бросил перчатку и ждет ответных действий. Аналогичных.

– Я сама за ним схожу, – сказала Римма, никак не показав, что заметила выпад Михалыча.

А она не заметила! Так была поражена поступком Валеры, что и не заметила. Вернее, не придала значения. Теперь слова на фоне произошедшего были только словами, и никак ее не

задевали. Что-то прошелестело в воздухе, и все. Словно галка пролетела. Темная, унесшаяся вдаль точка.

А осталось другое. Немыслимое. Что-то до того непонятное и враждебное, вставшее вдруг перед ней стеной, что она остальное и видеть перестала.

И как теперь с этим быть?

Надо было срочно разобраться. Срочно! Это все, что пришло в голову Римме.

И больше она ни о чем в эту минуту не могла думать. Какой там Михалыч с его глупым словом? Разобраться с Валерой, немедленно! Это что такое? Как он смел? Он же знал, что это не Костик – она его зовет! И послал?!

«Ну, все, сейчас ты получишь. Я тебя так пошлю – до конца жизни помнить будешь!»

Накаляясь яростью, Римма понеслась к котельной. Ни мороза, ни ветра не заметила – мелочь. Грохнула железной дверцей в воротах так, что гул котла заглушила.

Пусть слышит: она идет! Это-то он сразу поймет. Поди, и ждет даже.

Ну, сейчас дождешься.

Глава третья

Римма наступательно прогрохотала по железным мосткам, закрывавшим бетонные канавки-стоки, и на всей скорости влетела в дежурку.

– Ты что себе думаешь?! – заорала она, уже никак не соизмеряя силу голоса.

Хватит, досоизмерялась! Уговаривала его, голубицей тут пела. А он, гад такой, сидит, как сидел, и только в свои приборы тарашится.

Валера так равнодушно посмотрел на нее, словно ее тут и не было. Словно сквозняк распахнул дверь. И чуть заметно поморщился – не то на крик, не то на «сквозняк».

Римма снова почувствовала растерянность. Этого с ней еще не бывало. Вернее, с ним. Вел он себя с похмелья по-разному: и огрызался, и ругался, и выпихнул как-то раз. Но так равнодушно – это было даже страшно.

Чувствуя, что теряется от непонятности происходящего, Римма пошла напролом. А что ей оставалось делать?

– Что ты пялишься? – закричала она. – Пялится он. Мы там убиваемся, а он даже не подошел. Хоть бы на пять минут пришел, помог немного! Никто не говорит, чтобы ты всю работу делал. Но хоть немного можно помочь? Что мы там наколем, с Костиком этим, с Михалычем? Михалыч сейчас уйдет, он психует, что тебя нет. А ты тут сидишь, и Костика посылаешь? Совсем совесть потерял. Я должна за тобой бегать? Да? Должна?

Спасаясь от растерянности, губительной и бесполезной, Римма кричала первое, что приходило в голову. Почти не думая о том, что кричит. Как птица, бьющаяся на земле. Ей больно, и она кричит. Молит о пощаде и спасении.

И Римма молила, и крик ее был не грозен, а скорее жалок: «А-а-а!»

И долго бы она еще кричала, если бы Валера вдруг не перебил ее:

– Не бегай.

Сказал мертво, без интонации, словно не ей, а кому-то другому. То есть, вообще никак ее боль не почувствовав. А выразив только одно: «отстань». В глобальном смысле «отстань». То есть, начисто. Навсегда.

Навсегда?

Римма, пораженная не словом, а этим безразличием в его голосе, замолчала.

Посмотрела на него внимательнее, остывая после бега.

Что происходит?

Ничего не происходило. Валера сидел за столом, широко, как обычно, раздвинув локти, смотрел на приборную панель. Ее не замечал. Не хотел замечать. Словно ее действительно не было – не существовало.

– Так ты что, совсем не придешь? – спросила Римма.

Голос ее упал – и уже не было силы его поднять. Так поразило в нем нечто новое, неподвластное, что она и за голосом, и за интонацией следить перестала.

И оттого спросила так тихо – себя еле услышала.

Больше всего она боялась, что он совсем перестанет говорить. То есть сочтет ее за пустое место. Как-то вдруг это в нем промелькнуло – и это больше всего потрясло Римму. Она – и вдруг пустое место.

Она?

– А чего я должен идти? – спросил Валера.

Заговорил.

Но как он заговорил?

С такой злобой, будто она жизни его лишить хотела. Как с врагом заговорил. Это с ней-то?

И ведь прав был. Не обязаны операторы соль колоть. Ни в каких инструкциях это не прописано. Соль – это дело лаборанток. И никакого права не имела она тащить себе в помощь ни операторов, ни, тем более, слесарей. Те могли помочь по доброй воле. Или по приказу начальника. Но Валере никто ничего не приказывал. И он действительно имел право отказаться от этой работы.

И вот отказывался.

Формально Римме нечем было ему и возразить. Он был прав, и в этом своем праве неколебим. Он делал свою работу, она – свою, какие претензии?

Но... Но так мог говорить новичок, человек чужой и не очень хороший. Были такие случаи, проходили. В котельную, как в чистилище, попадали разные люди. Много их перевидала Римма за свою работу. Были и те, кто вспоминался добрым словом. Были и чудачки, дававшие повод для смеха на многие годы. Были и уроды, само собой. Как без уродов? Всех пережили, и жили себе дальше. Тишком да ладком.

И вдруг такие заявки.

Самое смешное, что Римма не находила аргументов для спора. Какой-то ступор ее одолел. От неожиданности, конечно. А что говорить? Сказать, что должен идти? С ударением на «должен»? Не скажешь. Не должен.

Тогда что? Сказать, что он... А что он? Ее мужчина и обязан помочь ей? Но ведь он не ее мужчина! То есть, как бы ее, но, если разобраться, совсем не ее. Она замужняя женщина, ее мужчина – дома, и именно на него она имела свои, вполне определенные, права и могла предъявлять ему свои, вполне законные, претензии. Валера же для нее – посторонний человек. Формально. Суть их отношений совсем другая, но формально – посторонний.

И именно так он сейчас себя и вел, как посторонний, чужой человек, и именно это поразило Римму больше всего.

Чужой человек.

Вот как.

– Так а... помочь? – тихо спросила она, глядя на его неподвижное злое лицо.

Валера не ответил. Достал из пачки сигарету, закурил. Как будто спрятался за сигарету. Мужчины любят прятаться. За сигарету, за рюмку. За смерть. Иногда им легче умереть, чем посмотреть женщине в глаза.

«Труссы», – подумала Римма. Вечные трусы. И этот не лучше!

Валера молчал, как будто и говорить ему с ней было противно. Или он что-то другое чувствовал?

Так скажи! Не молчи...

Она подождала. У него была такая привычка: долго молчать, прежде чем заговорить. Привычка смешная, иногда он мог так замолчать в середине фразы, что-то до того оживленно рассказывая, и долго молчать, как бы собираясь с мыслями. Свои знали и терпеливо ждали, другие, не дождавшись, могли и перебить. Порой на него нападала словоохотливость, и он мог говорить хоть час, – выговаривался после похмельного молчания. И делал эти смешные паузы, иногда до целой минуты доходящие.

Нет, не заговорил. Курил, пуская дым перед собой, и на Римму даже не взглядывал.

Не замечал.

– Валера, что с тобой? – спросила она ненужное.

Он молча курил. Лучше бы рявкнул в ответ, как он мог. Это, по крайней мере, было бы привычно и понятно. А то курит и не замечает.

Что-то происходило, но что, Римма никак не могла понять. И это пугало ее больше всего.

– Там немного осталось, – чтобы только не молчать, проговорила она. – Надо помочь...

– Кому надо? – не глядя на нее, спросил он. – Мне не надо.

– Мне надо, – сказала Римма.

Он снова замолчал.

И напрасно она ждала, что заговорит. Он молчал и не обращал на нее внимания. Казалось, хоть ты день так простой – не обратит.

Сзади хрустнула дверная ручка – вошел Павел. Такой медведь, а подкрался так тихо. Поганая привычка. Да у него все привычки такие.

Глянул на Римму, на Валеру, все понял. И входил тихо, чтобы ухватить что-нибудь из разговора.

Не ухватил: не было разговора.

Римма в последний раз глянула на Валеру. Он мог еще обнадежить ее взглядом, коротким словом, жестом даже.

Не обнадежил. Ничего не сказал, не шевельнулся, не покосился в ее сторону. Глянул только на Павла, снова перевел взгляд на приборы.

– Говорят, оттепель идет, – сказал Павел, присаживаясь к столу. – Ты не слышала, Римма?

Она покачала головой.

– Дочка позвонила. Говорит, по радио сказали. Надо новости сегодня посмотреть.

Павел говорил и переводил взгляд с лица Риммы на лицо Валеры. И наоборот. И понимал, конечно, что здесь произошло, все прекрасно понимал. Жаль, не слышал только, о чем говорили. Слова – самый смак, они главное при таких делах. Одно слово сколько важного может содержать – бесценного! Но не слышал. Не было слов. И хотел сейчас хотя бы по слабым признакам определить накал разговора и его итог.

И Римма поняла, что она проиграла.

«Зря понеслась, – запоздало подумала она. – Надо было оставаться в сарае. Не бегать. Не просить».

Теперь поздно. Дура.

Она повернулась и быстро вышла из дежурки. Ничего не сказав. И это, конечно, Павел сразу возьмет на заметку. Скажет, выскочила как угорелая. Или что-нибудь в этом роде. А Михалыч добавит, что она так же вылетела из сарая. Пулей, мол, выскочила! А Валера ее послал. И будут смеяться. Все будут смеяться. Если бы Валера пошел вслед за ней, тема отпала бы сама собой. Это было бы нормально, привычно, и не о чем тут было бы говорить.

Но она побежала, а он остался. Вот и дура, вот и посмешище для всех.

Слезы хлынули из глаз – едва не смыло очки. Римма в секунду ослепла, сорвала очки, зажала глаза рукой. Ничего не видя, нащупала первый фильтр, скользнула за него, укрылась за толстым, холодным корпусом. Фильтры стояли в два ряда, по три в каждом, и были густо опутаны трубами. Римма спряталась надежно, как в лесу.

И первым делом уняла слезы.

Плакать – нельзя.

Не сейчас. Сейчас идти на мороз, на ветер, щеки намокнут, покоробятся. Нельзя. Не стоит того. И глаза опухнут, будут красными, больными. Веки вздуются.

Не плакать. Не сейчас.

Хотя поток напирал такой – плотина едва сдерживала.

Но Римма приказала себе еще тверже: нельзя. Потом. С этим можно подождать. Сильные женщины умеют управлять всем, в том числе и слезами. А Римма была сильной женщиной, и всегда об этом помнила.

Осторожно промакнув глаза и щеки платком, она посмотрела вверх, в высокий, как небо, потолок, поморгала. Ничего, главное – лицо. Все можно исправить, разрушение лица – нет. Поэтому сейчас никаких слез.

Римма надела очки, прислушалась, выглянула из-за фильтра.

Никто не видел?

Павел остался в дежурке, Петя сидел у себя наверху. Сверху мог ее видеть, но, скорее всего, не видел.

Начальник тоже где-то укрывался. Или в своем кабинете, или ушел в контору. Куда подальше отсюда. Тоже слабак. Ну, я тебе покажу!

Однако и это – потом. Успеется с начальником. Он-то как раз никуда не денется.

В отличие от Валеры. И хотя тот был совсем рядом – за стеной, но казалось, что он где-то на другом конце земли.

Да что с ним случилось-то в самом деле?

Он не был чурбаном – с чурбаном она бы и не связалась, мог понять ее состояние, и знал, что она сейчас переживает.

А если знал, значит, что, нарочно ее мучил?

Но если так – это еще неплохо. Это даже нормально, потому что это – жизнь. А не та мертвечина, которой от него повеяло.

И это его равнодушие показное? Чтобы ее позлить, сделать ей больнее?

Но за что? Чем она перед ним провинилась?

«Я же столько сделала для него! – подумала с негодованием Римма. – Как он мог все забыть?»

О том, что он сделал для нее ничуть не меньше, она сейчас не думала. Вернее, могла подумать, и это было бы справедливо.

Но она тут же отогнала от себя эту мысль. Даже не мысль, а неприятный ее зачаток. Так думать – значит, начать диалог в душе. А диалога ей сейчас не хотелось. Ей хотелось монолога, яростного, обличительного – целиком ее оправдывающего.

«Бесстыдник! – кричала она. – Сидит он, не смотрит даже. Как будто я ему какая-то... Не пришел он. Ну, и не надо. Без тебя обойдусь. А попроси у меня что-нибудь. Попроси! Получишь. Привык, что я безотказная. Вот и дождалась за свою доброту. Все для него, а он... Такой же, как и другие. Только пользоваться умеет. А как что самому сделать, не допросишься. Все, теперь я не так буду себя вести. Раз ты морду воротить, то и я в твою сторону не посмотрю. Пока на коленях не подползешь...»

Римма еще продолжала свою обвинительную речь – а сама уже невольно думала о другом.

Нет, что-то здесь не так. Какая-то другая, тайная причина сидела в этом. Валера, конечно, хам и грубиян еще тот. Но мотивы его грубости всегда понятны. В сущности, он как большой мальчик. Обидели – вот и обижается. И мстит, соответственно.

Тогда что же? Надо искать обиду?

Но где? В чем?

Римма быстро прокрутила в голове последние события. Что? Где она допустила прокол? Кажется, все нормально, все, как обычно. Встречались перед работой, вместе шли, вместе уходили. Пили чай в дежурке, решали кроссворды. Болтали, работали.

Ночью... Ну, ночью тоже все было нормально. Немножко был какой-то вареный, но крупные мужчины вообще не отличаются поворотливостью. Да нет, тут все в порядке. Она при- выкла.

Что еще?

Она его постригла на днях – хорошо постригла, аккуратно. Дернула пару раз, но это всегда так бывает, машинка не новая, заедает. А волосы у него как щетка, кожи не видно. Но обычно он на это и внимания не обращает. Он вообще терпеливый. Хоть и псих. Нет, машинка – ерунда. Тут что-то другое? Что?

Вчера, на выходных, что-то произошло? Да ничего у него не происходило, она бы знала. Он бы с утра рассказал, пока на работу шли. Всегда все рассказывает, у него от нее тайн нет. А если он с кем-то и заелся из своих и ей не сказал, то она-то тут ни при чем. А он именно на нее зол был. Ох, и зол же. Но за что?

«А-а! – сообразила наконец Римма. – Это за то, что я ему приказала приходить, когда на соль собиралась. Да, резко сказала. А он не любит... Но я и раньше так говорила, и ничего. Не обижался. А тут как подменили. Обида обидой, все-таки, должно быть, обиделся, но работа главное. Он это лучше других знает. И все же не пошел. Неужели это? Да, зря я так. Слишком резко. Ему плохо, а я... Надо было сдержаться. Не командовать. Переборщила. Знаю же его...»

Но от того так и сказала, что знаю! Ему не прикажи, он может так и просидеть за столом. Особенно такой теплый после вчерашнего. Вот и хотела оживить, подогнать маленько. Подогнала. Только рассвирепел. И свирепел все больше, сидя в дежурке. И ждал, когда придут. Тот Костика сходу послал. Ждал ее посчитаться».

Ну что ж, посчитался. Получилось. Так огорошил – чуть сознания не лишил. Римма и не знала, что он на такие фортели способен. Как артист прямо.

Или не артист? Или и правда, что-то с ним серьезное случилось. Вон какое лицо было – жуть. Смотреть страшно. Никогда такого не видела.

Нет, что-то случилось. Не за слова он ее обиделся. Не за одни только слова. Тут что-то еще было.

Что?

Приделали! Мгновенно пришел ответ. Это уже кто-то из своих постарался. Давно на них смотрят, завидуют. Так завидуют – воздух плавится. И кто-то все-таки приделал, не выдержал их дружбы.

«Кто?» – серьезно подумала Римма.

Да кто угодно! И Светка Трофимова, главная ее врагиня, и Жанка, подружка ее, и даже из мужиков кто-нибудь. Вон хоть бы и Павел. Натуральный ведьмак. Иной раз так посмотрит – жуть. Или хоть Зоя, пискуха эта. Без мужика давно живет, иззавидовалась вся. Ее-то болен весь, толку нету, да и старый уже. Или кто-то из соседок по дому, там на ее семью завидуют, на достаток, на детей толковых...

На любого можно думать. Кто хочешь сглазить мог. Все завидуют, все пережить не могут, все горя хотят. Не себе радости, а другому горя. Такие люди.

А если так, тогда понятно.

Римма вздохнула, расправила плечи.

Ладно, с этим разберемся. Сглазили или нет – пока неясно. Дело такое – недоказуемое. Пока за руку не словишь, не узнаешь. А кого ловить? А если все завидуют и злого желают? Ото всех не отобьешься.

Но одно она поняла: Валера на нее обиделся. За слова ли эти резкие, за что-либо другое, но обиделся.

Она подождала еще немного, выглядывая краем глаза из-за фильтра. Может, пойдет следом? Поймет, что свое она получила, и смилостивится?

Римме не хотелось ссоры. Ругались они часто, но это мгновенно уходило. Слово, два, короткая вспышка с ее стороны, как правило, – и прошло. Так даже интересней. Оживляло чувства.

Но тяжелые ссоры Римма не любила. Были у них и такие в их общей биографии. Неделю как-то не разговаривали – она еле выдержала. Валере-то что. Он в запой ушел и недели той не заметил. А она непросто ее пережила. До сих пор осадок не рассосался, висел возле сердца тянущим грузиком.

И вот что-то похожее назревало.

Римма еще немного подождала.

Не шел. И не пойдет, понятно. Забастовал.

Плохо. Со всех сторон плохо. И возвращаться без него, как побитой собаке. И работу делать – без него еще скрести и скрести. И домой потом одной тащиться.

Плохо.

Но снова просить не пойдешь. Да и надежда оставалась, что сейчас подтянется. Все-таки Римма в себя верила, в свою власть над ним и в его, как бы это сказать, рабочую совесть. Чтоб он взял и совсем не пришел? Даже после того, как она на него наорала?

Ну, нет. Такого не было и быть не может. Как бы там всякие завидующие не старались, до такого не дойдет.

Успокоившись – насколько могла, – Римма отправилась в сарай. Голову держала твердо. Но волнение, засевшее внутри, ее угнетало: трудно было себя обманывать.

Поплакать бы...

Нельзя. Только начни – не остановишься.

А тут еще этот мороз с ветром! Едва вышла из котельной – колючей плетью хлестнуло лицо, рвануло за плечи, завернуло вниз голову. В горло до самых легких проник ледяной холод, перебил дыхание, изумил.

Жуть!

Согнувшись, Римма побежала к сараю, подгоняемая ветром, как рассерженным отцом.

Забегала, спряталась за стену, выдохнула. Мороз в сарае был такой же, но хоть от ветра укрытие.

Все утро этот ветер выдувает, хоть как одевайся!

Михалыч стоял на прежнем месте, сверху смотрел на нее вопросительно. У подножия соляной кучи – вал из наколотой им соли. Все-таки, работник он был отменный и на годы зря жаловался.

В дальнем углу мучился со своей киркой Костик. Он обернулся на Римму, но спрашивать, понятно, ничего не стал. Только лицо выдавало жадное: ну, ну?

Спросил Михалыч. Даже минуты не выждав.

– Так что, не придет Валера?

– Откуда я знаю, придет он или не придет! – закричала Римма, давая волю накопившемуся. – Сходи, сам у него спроси. Если у человека заскок, я не виновата.

Михалыч свел брови.

– Он вообще не пойдет?

– Не знаю, – огрызнулась Римма.

Она взяла лопату и принялась скрести соль. Весь вид ее показывал: катитесь вы все подальше. Мне надо работу делать, а не вашими глупостями заниматься.

– Так-то у меня свои дела есть, – сказал Михалыч, сбитый с толку ее поведением.

Римма молчала, ожесточенно скребя соль. Силы от злости накопилось – проскребла бы эти завалы насквозь.

Михалыч переглянулся с Костиком, взялся за лом.

– Еще полчаса – и все, – объявил он. – Если Валера не явится, я не виноват.

Римма снова не ответила. Противно было. Ставят ей тут ультиматумы. Как будто она крайняя. А если подумать, это общее дело, потому что работу котлов они все должны обеспечивать. А выходит, что она одна бегаёт, упрашивает, старается. Козлы!

Тут Римма вспомнила, что не посмотрела уровень воды в деаэраторе. Привыкла, что Валера смотрит, пока она другим занимается, – или спит, если ночью.

Но решила, что за деаэратором он все равно следит – по привычке. Выйдет из дежурки, один глаз на котел, другой – на деаэратор. Это он не прозеваёт. Если что, сам воду на фильтре отрегулируёт, операция нехитрая.

Михалыч, озадаченный ее молчанием, принялся дальше колоть соль. И ждал. По виду заметно было: ждал. Думал, она снова хитрить начнет. Раз Валера не пошел, будет его обхаживать, чтобы задержался подольше, наколот соли побольше.

А он уж тут покочевряжится, отведет душу.

«Фига! – яростно подумала Римма. – Без вас справлюсь. Идите все отсюда вон! Привыкли цену себе набивать. А всей цены – сила в руках дурная. А в голове – пусто, у любой бабы, самой завалющейся, в сто раз больше. Одно только знают: выпендриваться и врать».

Она глянула на Михалыча. Вон стоит, повелитель тисков и гаек. Сердцеед великий. А бабы крутят им всю жизнь, как хотят. Старый уже, а бежит на работу, как молодой, потому что жена гонит. Он бы давно у телевизора пузо належивал, да кто ему даст? Он думает, он сам себе начальник, а на самом деле – бабы.

И всегда так было и будет. И что он ей грозит, что уйдет? Иди давай, кто тебя держит? Только потом не подлизывайся, и грабалки свои не тяни. Щупай своих старух, это тебе само по возрасту, сивоусому.

Римма в душе ярилась, но опытным глазом оценить успела, что соли уже ведер с пять будет. Плюс те два, что в котельной... Почти восемь, норма. Михалыч, конечно, постарался. Но и Костик чего-то там натюкал, и она натерла. В Валериной помощи уже и нужды не было, сами управились.

А потому – можно было не сдерживаться.

Михалыч остановился и закурил. Сверху смотрел на Римму, ждал чего-то.

Чего?

Римма молча терла соль, уже спокойней. Работа почти сделана. Надо беречь силы.

В проеме между стеной и ширмой стояла темная полоса – день был на исходе. Еще начало пятого, но из сарая, освещенного, как солнцем, мощной лампой, ночью казалось все наружное пространство. Ветер выл и грыз углы, влетая в щели и шевеля ширму.

Изредка задняя стенка сарая вздрагивала, словно сарай хотел подпрыгнуть и улететь. Что-то трещало в отдалении и беспомощно звякало, а иногда ударяло глухим колокольным боем – бум-м!

– Я пойду, – сказал Михалыч.

В голосе – твердость. Готов к спору, к сопротивлению. И опять хочет последнее слово оставить за собой.

Дурачок.

– Иди, – отозвалась равнодушно Римма.

Хотя все-таки волновалась: хватит ли соли? На глаз почти достаточно, а начнешь собирать – ведра, а то и полутора не хватит. Бейся потом одной.

Но так надоело заискивать перед мужиками, подстраиваться под их настроение, что не хотела ни словом возражать. Хочешь идти – иди. Кто тебя держит?

– Там кой-чего доделать надо, – пояснил Михалыч, не дождавшись сопротивления.

– Ага, – как бы согласилась с ним Римма.

Он еще немного постоял и задом полез вниз. Было скользко, и Михалыч оступился на спуске, рванулся ногой вниз, раскорячился, как в нелепом танце, едва не упал.

Римма прыснула – он быстро обернулся к ней.

– Скажи Валере, что больше я за него работать не буду! – с перекошенным лицом выкрикнул он.

– Сам скажи, – огрызнулась Римма.

– И вообще, что за привычка: как что, так припахивать! – еще громче закричал Михалыч. – Что у меня, своей работы нет – чужую делать? Не мальчик, у меня все переломано, чтоб вы знали.

– Знаем, – басом отозвалась Римма.

– Знают они! – осатанел Михалыч. – Хрена я больше сюда пойду. Нос не покажу! Они отсиживаться будут, а за них тут паши.

– Ой, да иди уже, – сказала Римма.

– Пойду! – крикнул, но уже тише, Михалыч.

– Иди.

– Пойду.

Он вогнал острый конец лома в пол, приставил его к стене и быстро вышел. Лицо было злое, но и озадаченное – Римма заметила.

Не ожидал, что она так себя поведет. Независимо. Даже с вызовом. А как он думал? Расстилаться будет перед ним, за руки хватать, упрашивать? Не дождешься.

С улицы донеслись матерные выкрики. Должно быть, Михалыч споткнулся в потемках, и теперь отводил душу хоть на чем-нибудь.

Римма взглянула на Костика. Тот слабо улыбнулся.

– Замерз? – спросила Римма.

– Немного, – ответил Костик.

Было видно, что замерз. Кирку он еле таскал, от работы не грелся. А мороз жуть. Замерз, конечно. Нос весь белый, как голая кость из лица торчит. И плечики ежятся, собирая в узкую грудку остатки тепла.

Римме стало жалко его. Мальчишка совсем. Ровесник ее Сашки. Но Сашка – крепыш, а этот – чистый доходяга. Ему ли такая работа? Он, правда, столько и наработал... Но уже почти два часа на морозе, и кирку все же таскал.

Помощник.

И вот же, не бросил ее, в отличие от Валеры!

Ох, Валера...

– Иди, Костик, грейся, – сказала Римма.

Он ждал этого – смотрел с надеждой. Но все же спросил – страхуясь от будущих упреков:

– А не мало будет?

– Хватит, – ответила Римма. – Все соберу – еще и останется. Там еще в котельной два ведра.

Изображая сомнение во взоре, Костик, тем не менее, положил кирку. И подвинулся к выходу.

Все ее покидают.

– Может, помочь собрать? – с той же надеждой отказа спросил он.

Римму затошнило от его замусоленной хитрости, но она сдержалась.

– Сама соберу, – сказала она. – Иди.

Этот тон – тон приказа – Костик знал хорошо. Уже не упираясь, он виновато отвернулся и вышмыгнул из сарая. Как тень. Бесшумно и бесследно.

Пусть идет. Толку с него. Только мешать будет.

И еще Римма рассчитывала: Валера увидит Костика, узнает, что Михалыч ушел и поймет, что она совсем одна тут осталась. И, возможно, все-таки придет. Она не могла поверить, чтобы он ее бросил. Не могла и все. Хоть какие объяснения находила, но в то, что он не придет, совсем не придет, не заглянет даже, не верила.

И потому отправила Костика. Как вроде послание Валере. Посмотри и подумай. И если ты еще что-нибудь сообщаешь, срочно приходи!

Римма готова была простить. И даже настроиться так, чтобы в дальнейшем не поминать этого. Ну, с похмелья был, не в первый раз, голова тяжелая, сам тяжелый, не хотел никуда идти и не мог – ладно. Тем более ломом махать. Это, и правда, трудно.

Но Костик-то доложит, что соли нарубили в недостатке. И нужно ее лишь собрать и перетаскать в котельную. Плевая работа, только проветриться. И Валера должен подойти. Хоть в этом помочь.

А главное, показать, что не бросает ее одну!

И ей показать, и другим.

Неужели он этого не понимает?

Римма отложила штыковую лопату, взяла совковую и принялась сгребать наколотую соль.

Соли было много – даже больше, чем нужно. Михалыч со злости наколотил порядочно. Да и Костик, худо-бедно, добыл ведра полтора. Тощий, а цепкий.

Римма наполняла ведра и слушала.

Не идет?

Снаружи буйствовал ветер, звенел ширмой, царапал исподтишка колючей лапкой лицо. На улице – темень. Сарай поминутно вздрагивал, как будто в него билась огромная хищная рыба.

Римме было не по себе. Не любила темноту и одиночество. Сколько работала в котельной, где этого добра навалом, а привыкнуть не могла. При каждом ударе ветра сердце замирало, ухо ловило дальние звуки.

Еще заскочит кто. Мало ли придурков шляется? Территория комбината обнесена бетонным забором, но кого этот забор сдержит?

Римма косилась на темный проем, сжимала черенок лопаты сильнее и старалась держаться так, чтобы все время видеть вход.

И прислушивалась: не лязгнет ли дверь котельной?

Насыпав три ведра, понесла одно в котельную. Решила носить по одному. Два – слишком тяжело. И хотя Римма была двужильной, надрываться в этот ветрище не хотелось. Еще летом можно было бы пробежаться по ровному. Но не сейчас, не по этим переметам.

И снова хитрила. Тянула время. Давала Валере шанс исправиться, успеть прийти до того, как она тут закончит.

Валера не шел.

«Интересно, Михалыч побежал к нему ругаться?» – пыталась отвлечься Римма.

Вряд ли. Валера не тот, с кем особо поругаешься. Да и что с него возьмешь: вывернет глаза – и все. Поругайся с таким. Нет, Михалыч на Валеру не поперет. Кишка тонка. Валера ему не по зубам.

Разве что на Римму нажалуется, грубила, мол. Это он может. Мужики вообще мастера жаловаться. Хоть по поводу, хоть без повода. Без повода – еще больше.

Валера правда – молчок. Как бы ни приходилось туго, никогда не ноет. От мужика у него много. Бабьего почти нет. Звероват, это да. Но это же и притягивает. И добрый. Хоть как про него думай, а добрый.

Но где же он?

Где?!

Римма занесла уже третье ведро, и принялась насыпать новые. Соль заканчивалась быстро, она сгребала со всех углов, но видела – хватит.

Собирала всю наколотую соль, пока лопата не заскрежетала по полу. За работой отвлеклась от мыслей, вспотела даже. Не шел.

Римма насыпала другие три ведра – и еще ладная кучка на полу осталась. Перетаскала все три, вернулась за остатком, еще почти два ведра насыпала. Любке на почин. Ох, еще и Любкиной смене тут убиваться.

Достало! Все достало.

Римма перенесла всю соль в котельную, вернулась, выключила свет в сарае, затащила до конца ширму, зацепила ее края за штыри в стене.

Все, здесь кончено.

И все вообще кончено.

Потому что Валера так и не пришел.

Глава четвертая

Римма засыпала соль в солеприемник – восемь ведер, как положено. Два оставила Любке. Лучший на сегодня подарок! Проверила деаэратор: уровень воды в норме. Проверила фильтр. Нормально. В сторону дежурки даже не смотрела. Теперь для нее вход туда закрыт. Навеки. Такого она Валере не простит.

Сейчас это была главная ее мысль. «Такого не прощу. Никогда не прощу. Никогда!»
И все. И нечего об этом говорить.

Сделав все дела, Римма направилась к начальнику. Его кабинет был внизу, возле раздевалки, под лаборантской. Маленький, уютный, теплый, под столом прятался обогреватель. И ноутбук перед носом – удовольствие.

Римма вошла спокойно – начальник все-таки. Но он по лицу ее понял: амба. И отшатнулся от ноутбука, как застуканный за нехорошим.

Бросил взгляд на часы, лицо выразило сожаление: не успел сбежать. Еще бы десять минут...

Римма все рассчитала. И этих десяти минут ему не дала. Она их целиком забрала себе. И все десять минут, без передышки: а-а-а, о-о-о, у-у-у!

И про отбойник этот, вечно невовремя ломающийся! И про то, что все отказываются помогать, хотя работа общая! И про то, что в лаборантской холодно, хотя обещали летом заменить батареи! Который год обещают! А обогревателями пользоваться нельзя, выискивают по всему комбинату нарушителей! А они женщины, мерзнут! А Жанка втихаря пользуется, знаем, где прячет! Ей-то можно, потому что у нее муж в конторе. И вообще, мыло не дают второй месяц уже. А руки вечно грязные. И больше она эту соль долбить не будет! Или чините отбойник, пусть им мужики колют, или она уволится! Ее давно в контору зовут, экономистом, а она тут сидит, табели составляет, и всю текущую документацию ведет. А пусть попробует Светка Трофимова вести – увидите, что будет. Потом никакая бухгалтерия не разберется...

Тут, в теплом кабинете, Римма дала волю и слезам – пришла пора. Плакала и говорила, плакала и говорила, и все с такой болью – начальник только в кресло вжимался и ничего не отвечал. И ждал только, когда этот потоп остановится, если остановится вообще.

Понимал он или нет истинную подоплеку происходящего – Римма не знала. Наверное, нет. Не вник еще. Не донесли. Завтра донесут – в подробностях. И, он, конечно, поймет, отчего Римма тут так разорвалась.

Но это завтра. А пока он был целиком в ее власти. И она уж этой властью попользовалась от души. Все высказала, что накопилось, ничего не оставила. И по делу, и без дела валила в кучу, не разбирала. Наябедничала заодно на Жанку, но это ничего. Жанка не так ябедничает, они тут со Светкой Трофимовой прописались, каждый шаг про нее рассказывают, да и про всех остальных. А ябедничать – святое бабское дело, тем более, когда работы касается. Разве она только для себя одной бьется?

Так что пусть слушает.

А что он думал? Отсидживается тут, а бабы горбаться. Мог бы уже тысячу раз отбойник починить или хоть новый достать – начальник ты или нет? Балуетесь все со своим компьютером. Балуйся, никто не против. Но надо же и дело делать!

И потом...

Валера не пришел. Но разве об этом скажешь?

И потому: а-а-а, о-о-о, у-у-у! Ровно десять минут.

И когда увидела краем глаза на часах без пяти пять, замолчала и поднялась.

– Я, наверное, вас задерживаю? – спросила она.

Начальник ошеломленно смотрел на нее. Ему еще не было сорока, мужчина взрослый, но иногда – пацан пацаном. Римме даже неловко стало, что она им так попользовалась. Втемную. Она видела – ему и сказать-то нечего. Уничтожен ее атакой.

А и ничего. Выживет. Пусть закаляется.

– Я пойду, – сказала Римма.

– Угу, – выдавил начальник.

– До свидания.

Римма вышла и задумалась: что бы еще сделать? Такого для себя полезного.

Не нашла ничего лучшего, чем заняться мытьем полов возле фильтров. Но это отняло у нее двадцать минут, а до конца смены – до прихода Любки – еще два часа.

И что делать – одной?

Пошла в лаборантскую. В дежурку же не пойдешь. Туда вообще теперь не пойдешь. Если конечно, Валера не прибежит, не извинится. Но и то надо потом выждать. Повоспитывать его. Он ведь тоже один быстро заскучает. С Костиком им говорить не о чем, Костик только и знает, что свой телефон терзать. А развлекает Валеру Римма.

Пускай теперь развлекает себя сам! Во всех отношениях.

В лаборантской было чисто, светло, зелено от обилия цветов и холодно до ужаса. Окна были большие – зачем они такие? Ветром выдувало все начисто, едва градусов десять держалось. Цветы, как только накатили морозы, сняли с подоконников, расставили на шкафах, на полу. Цветы все любили, и развели их – пропасть. Как оранжерея какая. Теперь боялись, как бы не пропали. Но те ничего, держались.

Римма не поленилась, да она вообще лениться не умела: сходила вниз, набрала теплой воды. Поднялась наверх, полила цветы, хоть чем их согреть.

Долго пила чай с конфетами. Вообще она худела в последнюю неделю. Заметила, что стала поправляться, урезала порции. Но сейчас как без конфет? И так тоска, а тут еще от вкусенького отказываться? Совсем тогда иди и утопись.

Хотелось и выпить, тоже чего-нибудь сладенького, вроде ликера или коньяка. В шкафу был спирт, им выдавали для работы. Валера иногда уламывал ее, и она отливала ему граммов тридцать – никогда больше. За спиртом следили строго все лаборантки, и Римма не хотела давать лишний повод для сплетен.

Заколебалась. Выпить? Начальник уже ушел, да и что ей начальник? Поди, так напуган, рад, что она оставила его в покое.

Пить одной не хотелось, вот что. Как алкашка какая. Да и тоска одной пить. Сиди молча, заливай горе. Этой участи для себя Римма признавать не хотела. Это для других, тех, которые жить не умеют. Она умела. Умела, и других поучить могла. И то, что пить ей сейчас не следовало, знала твердо.

Хотя и хотелось, что скрывать? Валера обидел ее сильно, так обидел – ныло все внутри.

За что он так с ней? Вот что вызывало недоумение. Это не просто так, это мстил за что-то, понятно. Ударил с расчетом, может, и давно задумывал. Значит, держал камень на душе. Но за что? Что она такого сделала? Кажется, только и старалась, чтобы ему угодить.

Мысли бегали по кругу, путались, не давали ответа. Римма сидела одна в большом, белом, холодном кабинете – и погибала.

Читать не хотелось. Холодно, да и какое чтение?

Могла бы посмотреть фильм на планшете, но все уже смотрела. Дважды. Надеялась, что с Валерой будут, как обычно, кроссворды решать.

О, как они любили это пустое дело – кроссворды. Приохотились к ним давно, руку набили – все повторялось бесконечно, – и потому решали быстро, как семечки щелкали. Римма всегда читала, вела игру и ждала, чтобы Валера первый сказал ответ. Уступала ему, так сказать. Она вспоминала быстрее его, знали примерно одинаково, но терпеливо ждала, чтобы он

отличился. И только если вспомнить не мог, называла сама. Часами так баловались – получали удовольствие.

Кончилось удовольствие. Поганец этот Валера! И тут ей нагадил.

Больше заняться было нечем.

Да и не хотелось. В голове билось одно: как он смел да за что? А ухо ловило звуки снаружи: не идет? И дикие мысли лезли в голову, и мутно проглядывалось будущее: как теперь будет?

Когда в лаборантскую вошла Любка, Римма чуть не кинулась ей на шею. Хоть кто-то пришел, живой человек! А то она была в таком состоянии – Жанке бы обрадовалась.

– Пливет, – чуть картавя сказала, глянув на нее улыбочиво, Любка.

Что, знает уже? Не может быть.

Кто донес?

Но, присмотревшись к Любке, Римма поняла, что та улыбается по каким-то своим причинам.

– Ты чего радостная такая?

Любка была красива. Располнела с возрастом, но лицо ее было красиво – картинно красиво. И стать она сохранила царскую, дано же человеку. Хотя и болела тяжело, и операцию перенесла, и беды ее не обходили. Последняя хоть кого бы прибила. Муж Любкин, Вовчик, офицер в чине капитана, ревновал ее страшно. Сын уже служит, а он как в молодости. Даже еще больше. Пил крепко оттого. Но и не только. Ладно... Пошла она в середине осени с подружкой прогуляться. А чего не прогуляться? Сын в армии, больше детей нет, мужу еды полный стол оставила. Имею право! Ну, и задержалась. Говорила, знакомых встретила, заболталась. Кто его там знает? Может, и заболталась. Но муж, озверев от ожидания, взял да и поджег дом. Они в частом секторе жили, дом был хороший, недавно ремонт сделали – денег вбухали. Он и раньше ей грозил, гонял не раз, драться лез. Трезвый – человек как человек. А как выпьет – сумасшедший. И вот до чего додумался.

Все сгорело. И ремонт, и мебель, и кухня – все. Пока пожарные приехали, от дома только задняя часть осталась. Какие-то вещи, одежда уцелели. А так – одни головешки. И две кошки сгорели – по ним Любка больше всего убивалась. И Вовчик как отрезвел тоже. Говорит, ревел как маленький. И по дому, и по котам, и вообще. Руки на себя наложить хотел. Его со службы чуть не поперли. Любка переехала жить к родителям. На развод подала. Вовчик умолял, на коленях стоял. Закодировался. Не простила. К сыну ездила, тот сказал: «Вернусь, убью». Парень здоровый, да еще в спецназе служит. И за мать обиделся, и за дом – где теперь жить? У родителей Любки две комнаты всего, она еще туда-сюда, а сын придет, его куда? И на папашу у него зуб, так что жди всякого.

Но Любка, поплакав первое время – вся зареванная ходила, – как-то и оправилась после. Опять похорошела, и глаза ее, серые, прозрачные, смотрели на мир с кошачьей прямоотой и загадочностью. И улыбаться стала, молодо освещаясь, и засмеется – так вся целиком.

Отходчив человек. Тем и жив.

– Так... – махнула Любка рукой на вопрос Риммы. – У вас тут чего?

– А, – ответила Римма, – ничего хорошего.

Любка внимательней присмотрелась к Римме, к столу, увидела бумажные гробики от конфет, среди них траурную урну чашки – что-то поняла. Быстро скинула серую, козью шубу, присела к столу.

– С Валерой поссорилась?

Вот что значит подруга.

– Да ну его... – отвернулась было Римма.

– Рассказывай!

– Да что тут рассказывать?

– Римма! – шутливо стукнула пальцем по столу Любка.

И хоть в их дружбе ведущей была Римма, а Любка только ведомой – и по возрасту, на двенадцать лет младше, и по отношению к жизни, – Римма сейчас охотно подчинилась ее нажиму. И рассказала все.

А что утаивать? Все равно все узнают. Тут тайны умирают быстро, сутки жизни максимум.

– Да... – протянула Любка по окончании рассказа. – Что это с ним?

Они переглянулись с Риммой особенными взглядами: что-то произошло странное. Любка тоже давно здесь работала, все механизмы отношений понимала до тонкости, ей ничего объяснять не нужно. И раз Валера не пришел – беда.

– Может, совсем ему плохо было? – предположила самое простое Любка.

– Ну... было плохо, – согласилась Римма. – Сидел никакой. Но понимал же все! Видел, что собираемся. Я позвала его отдельно...

– Может, слишком резко позвала? – улыбнулась Любка.

Она знала характер Риммы, и сходу угадала причину.

Одну из причин. Потому что Римма, хоть и брала ее в расчет, вовсе не полагала, что эта причина главная.

– Да нет, – ответила Римма. – Как обычно.

– Ясно! – воскликнула Любка. – А он мутный. Вот и обиделся.

– Но не до такой же степени! – возразила Римма.

– Ну да, – согласилась Любка. – Чтоб на соль не пошел? Наверное, очень сильно обиделся.

И она снова улыбнулась.

– Что это все улыбаешься? – подозрительно посмотрела на нее Римма.

Любка снова махнула рукой.

– Не обращай внимания. Тебе рада.

Она приобняла Римму за плечи.

– Да брось ты, подруга! Не бери в голову. Все они дураки одинаковые. Отойдет – первым прибежит.

Римма тоже так думала. Хотела думать. Так думать было правильно. Это лучше, чем накручивать себя.

– Ты же знаешь, они как нарежутся – все герои, а потом на коленях ползают.

Любка передернулась, вспомнив о своем.

– Звонил? – спросила Римма.

– Звонил, – вздохнула Любка.

– Что хочет?

– Чтоб заявление забрала.

– А ты?

– Не дождешься, говорю.

– Молодец! – кивнула Римма. – Не вздумай ему уступить. Сколько раз он обещал? А толку.

– Да, – затуманившись, ответила Любка.

Она немного помолчала, перебирая фантики на столе.

– Он хочет дом отстроить, – сказала она.

– Что? – изумилась Римма. – Дом?

– Ну да, – кивнула Любка. – там же фундамент весь целый. И задняя стенка осталась. И полный сарай всяких материалов – сарай же не сгорел.

Римма вытаращила глаза.

– Да он знает, сколько денег надо – дом отстроить?

– Он говорит, кредит возьмет. Узнавал в банке, ему дадут. Только небольшой, занимать по знакомым придется... Он все посчитал. Говорит, ради меня все сделает. Только чтоб я вернулась.

– И что? – от изумления Римма забыла про свое горе. – Ты веришь ему?

Любка замялась, опустила голову, замолчала.

– Не знаю... Он так просит.

– Люба! – воскликнула потрясенная Римма. – После того, что он сделал, я бы с ним вообще не разговаривала. Сколько ты от него вытерпела! И опять ему веришь?

– Да не верю я! – взмолилась Любка. – Но он так просит... И не пьет уже три месяца.

– И что? Три месяца – срок? Он и раньше бросал. На полгода хватало – максимум.

– Я тоже ему так говорю.

Любка посмотрела Римме в глаза. В глазах – детская растерянность и мольба.

– Люба! – сказала твердо Римма. – Не вздумай ему уступить. Это лишь бы тебя вернуть. Потом все по новой пойдет. Опять будешь голосить. Оно тебе надо?

– Не надо, – эхом отозвалась Любка. – Но если бы ты слышала, как он говорит... Говорит и плачет. Я никогда его таким не видела.

– Не видела? Ты что, встречалась с ним?

Любка спохватилась, но было поздно. Она покраснела.

– Да... Виделись... Недолго.

Римма так разозлилась – чуть кулаком не стукнула.

– Ты же мне клялась, что если когда и увидишь его, так только в суде!

– Да... – мялась Любка, мучаясь под свирепым взглядом Риммы. – Но он так просил...

– Да они все просят! – взорвалась Римма. – Когда им надо. А потом плюют в морду и делают, что хотят.

Любка со страхом покосилась на нее.

– Ты домой не пойдешь?

– Пойду! – выкрикнула Римма.

Она вдруг поняла, что Любка боится ее.

Ну и пусть боится. Дура. Поверила этому идиоту. Дом он построит. Как бы не так. Небось, уже задумал что-то пакостное. Как все они задумывают.

– Но ты зря так, Римма, – робко сказала Любка. – Он и вправду изменился. Если бы ты его послушала...

– Не хочу я его слушать, – отрезала Римма. – Не верю я твоему Вовчику, и тебе верить не советую. Он тебе голову дурит, а ты уши развесила.

– Да не верю я... – пробормотала Любка.

Римме на миг стало ее жалко. Чего накинулась? Бедная девка мучается, а она – кричать. Все Валера виноват! Довел до чего гад. Лучшую подругу чуть не растерзала. Хотя – и подругу надо поучить. Уж больно слаба на уговоры. Только пошепчут на ушко – и поплыла вся. Делай с ней, что хочешь. А потом – крики и слезы.

– И не верь, – гоня жалость, сурово приказала Римма. – Если ты его снова простишь, я на тебя обижусь. И помогать не буду. Слышишь?

– Слышу, – отозвалась Любка.

– Держись твердо. Решила бросить – бросай.

Римма улыбнулась, погладила Любку по голове.

– Да ты таких Вовчиков сто найдешь! На чёрта тебе этот алкаш?

Любка глянула Римме в глаза – отстраненно.

– Там скользко, – сказала она. – Иди осторожно.

– Я знаю, – ответила Римма. – Я всегда осторожна.

Расстались хорошо. Прошлись еще по Михалычу: тоже, старый козел, хорош. Как так, лезет со своими лапами, ласковый – оторви да брось. А как до дела доходит, начинает из себя инвалида строить, про болячки свои ныть. Хорошо хоть соли успел наколоть, прежде чем удрать. А мог бы и раньше психануть. Коз-зел.

Любке еще предстояло на соли убиваться. Но у нее хоть операторы – мужики нормальные. Оба с понятием и не задохлики какие. Хотя и Любке хватит. До ночи провозятся.

– Там два ведра почти полных, – наказывала Римма, одеваясь. – Фильтр не сработался, но ты посмотри...

– Ага, – кивала Любка, – хорошо.

И посматривала на Римму нетерпеливо.

Римме показалось, что та рада была, наконец, ее выпроводить. Ну, понятно. Получила за Вовчика, вот и дуется. А как ты думала? Молчать буду? После того, как ты сто раз тут ревела, жаловалась и клялась мне: никогда-никогда? Если ты забыла, то я помню. И тебе, дуре, не дам забыть. Потом же еще и благодарить будешь.

В норковой шубе, в норковой же круглой шапке, в дорогих замшевых сапогах Римма смотрелась очень внушительно. Любка, несмотря что подруга, взирала с завистью. Другие пережить не могли. А Римма себя не стесняла. Она получала тут чепуху, даже не снимала с карточки. Зато получал муж – и в этом была ее сила.

– Валеру не будешь ждать? – спросила с улыбкой Любка.

Знала, что не будет, но улыбкой давала понять, что ничего страшного не произошло, перемелется.

Римма нахмурилась в ответ – не тянуло ее улыбаться. И из-за Валеры, и Любка неожиданно расстроила со своим Вовчиком. Как предала, что ли. Еще одна.

– Сам дорогу знает, – сухо ответила она.

Любка кивнула.

– Ну да.

Римма хотела выйти через заднюю дверь, ту, что была возле кабинета начальника. Но решила выходить через переднюю – пусть видит. Спустилась вниз, прошла мимо дежурки – и вдоль котлов устремилась к двери. Знала, что Костик увидит ее и доложит Валере. Она не ждала, что Валера побежит следом. Не в его привычках. Но пусть знает, что она уходит, не дожидаясь его. Это четкое послание, и он прочтет его верно.

И сделает выводы.

Пусть только не сделает!

Открыв дверь и пропищав напоследок зуммером, Римма вышла в ночь.

Одна.

Редко ей приходилось возвращаться с работы одной. По пальцам можно пересчитать. А вот так, зимой, ночью – никогда. Но просить же не будешь: проводи. Какое! Это после случившегося? Щас.

И Римма смело двинулась вперед.

Через территорию комбината пробиралась медленно. Под ногами мерзлые бугры, обломки кирпичей, снежные заносы, огрызки льда, растертые машинами. Дорога называется! Пока до проходной доберешься – от сапог одни махры останутся. Освещение скудное, приходилось подсвечивать себе фонариком. Здесь все с фонариками ходили, привыкли.

Пройдя через проходную, пошла быстрее. Думала, по асфальту, но по асфальту – лишние полкилометра. И ветер в лицо – вот что остановило. Пошла, как ходили обычно: напрямую, через деревню.

И быстро раскаялась.

Идти через деревню было откровенно страшно. Римма даже не ожидала, что ей будет так не по себе. Громадная фигура Валеры, вечно бредущая следом за ней, настолько внушила ей мысль о безопасности дороги, что она как-то этой дороги и не замечала.

Теперь же шла и боялась, как маленькая девочка.

Боялась всего.

Переулков. Узких, черных, как норы, откуда мог вывалиться, кто угодно.

Кустов. Они шевелились под ветром. И казалось, что кто-то таится в них, и лезет навстречу, раздвигая сучья нетерпеливыми, крючковатыми пальцами.

Машин. Редких, но оттого еще более опасных. А что они ездят по ночи, когда все нормальные люди давно дома сидят? Ясно, кто ездит...

Собак. Те хрипло лаяли на нее из-за заборов, передавая друг другу по цепочке. А что, если выскочит которая? И шубу порвет, и все другое. Ужас!

И когда впереди вдруг показались два шатающихся собачьих силуэта, Римма застыла на месте. Все. Конец.

Собаки шли прямо на нее, опуская головы то выше, то ниже – будто подкрадываясь к добыче. Это были, скорее всего, обычные деревенские барбосы, но в этой ночи, в безлюдье и зловещем завывании ветра они показались Римме настоящими людоедами – чистые звери.

Она остановилась. Они неуклонно, беззвучно приближались, то низко припадая к земле, то резко вскидывая головы, вырастая до устрашающих размеров. От темноты оба казались черными, как смоль, и от этого еще более звероподобными.

Цепenea от страха, Римма оглянулась.

Никого.

Тогда она направила на них фонарик – прямо в морды. Может, отпугнет?

Фонарик высветил глаза, блеснувшие ртутной зеленью, узловатые лапы – но никак не остановил их приближение.

И Римма, оледенев от ужаса, использовала свое самое грозное оружие, о котором она в страхе совсем позабыла. Но страх же ей о нем и напомнил.

– Пошли вон! – вдруг гаркнула она, когда первый пес, забирая вправо, намеревался пробежать между ней и забором или заскочить в тыл, как ей показалось.

Крик был такой силы, что собаки рванули в разные стороны, и одна даже взвизгнула, – несчастная.

Путь был свободен.

Одержав столь легкую победу и чувствуя небольшие угрызения совести – напугала бедных псин, а они, поди, голодные, замерзли совсем, – Римма дальше уже пошла спокойнее.

Но шла и проклинала Валеру.

Все по его вине! Идет тут одна, мучается. Пьяницы, бандиты со всех сторон. Темень. Собаки вот лезут... Едва шубу не порвали. Бросил ее. А ей отбивайся. Вон, ноги еще трясутся. Ему что, он такой бугай, топает себе и топает, кто на него ползет, он сам кого хочешь напугает, а она иди и бойся, кто его знает, кто еще в этой темноте встретится. Бессовестный! На соли бросил, здесь бросил, скот, только просить умеет, а вот как с ней поступает...

Пройдя почти всю деревню – пролетев, – Римма увидела радугу огней над железнодорожной станцией и успокоилась. Пошла уже медленнее, легче. Посматривала на дома за заборами, темные, в земле плотно осевшие, на светящиеся в них окна, желтые, голубые, розовые, на голые деревья в садах, будто обнявшиеся скрюченными ветками, чтобы согреться, и думала, постоянно думала.

Глава пятая

Через пути Римма ходила обычно по низу, напрямую. Но сегодня дорогу загородил товарный состав, вставший без движения на первом пути, и она пошла через переходной мост.

На мосту людей сбивало к перилам, как рыбу в сети. Римма придерживала рукой шапку – сорвет, поминай как звали. Через шубу, через два свитера, через теплое белье так прохватывало – отнимались внутренности. Ветер гулял по путям, как по реке, ничто его не сдерживало. Да еще мороз за тридцать – когда эти морозы кончатся? И где та оттепель, о которой говорил Павел? Хорошо, дом рядом. Почти дошла.

Внизу было чуть тише. На остановке безлюдно – всех кого куда загнало. Обросший ледяной шкурой, стоял автобус боком к ветру, как бык. Вокруг него сгрудились маршрутки, пукали густо дым – грелись.

Римма зашла в магазин. Перевести дух от ветра, и купить Тишке вкусенького. Прошлый раз купила ветчины – не стал, паразит, есть. Понюхал, мордой покрутил – и не стал. А ветчина хорошая была, дорогая. Разбаловался страх. Она уже и не знала, чем ему угодить.

Выбрала паштет с гусиной печенкой. Он гусиную печенку любил, может, понравится. Но может и заартачиться, забраковать. На него находит. Ест что-то, ест – потом как отрезало. Что только он не перепробовал! Какие только деликатесы ему Римма не переносила! Измучилась вся. Что когда-то, как все нормальные коты, консервы всякие ел, корма, про то давно забыла. Он себя и котом-то не чувствовал, чтобы есть котиное. Ну да! Он был не меньше человека, а Римма подозревала, что и больше. Муж над ней издевался, а она знала – мужу до кота далеко. О, как далеко...

Вышла из магазина и совсем уже неторопливо, не боясь ни ветра, ни мороза, ни чего-либо еще, пошла домой. Благо дом – вот он, отсюда виден.

Дом был четырехэтажный рослый красавец. Римма любила его – обожала. Что от путей недалеко, поезда грохочут, свистки воют, диспетчеры переговариваются – мелочь. Привыкла давно. Только спится крепче под этот шум. А дом хороший. Комнаты просторные, потолки – три с половиной метра. Хоромы. Ее личные трехкомнатные хоромы. С кладовкой, балконом, кухней в десять метров и подвалом внизу. Когда двадцать лет назад Толику дали эту квартиру, Римма долго не могла поверить, что бывает настоящее счастье на свете. Может быть, тогда с ней и случилось это – вера в странное. В необъяснимое. А как было не поверить? После тесноты и непроглядности вдруг оказаться на чём-то вроде облака, квартира была на верхнем, четвертом этаже. И с этого облака глядеть вниз, и земли, тяжелой, душной, не чуют, и думать – не может быть! Потому что не может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.